

Раиса Зимановская
Ирина Галактикацвета

Не дрейфь, маманя,
прорвемся!
короткие рассказы

Не дрейфь, маманя,
прорвемся!

© eva-and-co.ru

Творческая лаборатория «Слово и Образ»

© Текст – Раиса Зимановская, Ирина Галактикацвета

© Оформление альбома – Елена Корешева

Москва - 2023 год

Аркашка

Аркадия всегда звали Аркашкой, и никак иначе. Высокий, нескладный, с длинным мокрым носом и мутными глазами, был он личностью противоречивой. И никто не мог разгадать, что в образе его подлинное, а что – шутовство. То он морщился, то хмурился, то криво улыбался, то хохотал ни с того ни с сего. Говорил одно, а делал другое. Непонятно, как отслужил срочную службу в армии, как общался с друзьями. Незнакомым представлялся:

- *Подполковник КГБ. В данный момент приставлен следить за вами, шпионом Монголии, – и высвистывал одной ноздрей посиневшему от ужаса визави «Наша служба и опасна, и трудна...»*

Сторожил склад взрывчатки, к которому мало кто рисковал приближаться, разве что пес бродячий подбежит, задрав хвост, да, понюхав опасливо окрестность, отбежит вскоре. Что Аркашка делал в одиночестве на своем опасном складе, никто не знал. Скука же смертная? Возможно, такая тоскливая работа толкала нашего сторожа на грубые розыгрыши, или, говоря выпендренно - эпатажные поступки. Например, садился на надутый шарик и скакал на нем, или снимал штаны при дамах, - а под ними вторые и третьи, - выворачивал зверски белки глаз, менял голос с низкой октавы на высокую, здоровался с кошками и собаками... Люди охали и ахали, и советовали Аркашке весело:

- *Женись, Аркашка, образумишься, будешь человеком, а не придурком.*

- *У меня высокие требования, - отвечал тот, выворачивая правый глаз и раздувая волосатые ноздри, - ищу молоденькую нетронутую девушку, высокоморальную красавицу, и только так! Чтобы дочь профессора была или академика.*

- *Ну да, ну да! Какая дурочка пойдет за тебя? Никудышний ты типаж.*

И правда, такой красивой дурочки не нашлось, зато проявилась вдова – обрусевшая молдаванка Марьяна с четырьмя сыновьями. Вскоре, предъявляя свою толстую жену друзьям, - все официально, через ЗАГС, - Аркашка сказал:

- *А что? Готовые пацаны, сопли вытирать не надо. Здорово же? Не у каждого столько!*

А ведь ранее утверждал, что ребятню не любит, просто не терпит.

Через год семейной жизни возрастная жена родила совместного сына:

- *Ничего, не помешает до кучи, где четыре, там и пятый вырастет, да и теща поможет.*

Дома находиться Аркадий категорически не мог, и ставил свою супругу в тупик:

- *Куда опять намылится? На работу или к другу?*

- *На кудыкину гору... - и уходил.*

Иногда втайне ездил на рыбалку. Рыбачок был никакой, а посидеть – помечтать на природе с папироской любил.

- Аркаша, - возмутилась как-то жена, - почему врешь мне всегда? Скрываешь все от меня, ты - как сундук, полный моли.

Мужчина задумчиво вывалил язык, пошевелил им, затем затянул лопату в рот и сказал медленно:

- А почему я, мужик, отец пятерых детей, должен докладывать бабе? Я люблю свободу, вот и весь мой сказ. Кормилец я, уважай царя в семье!

- Ты отец одного сына, между прочим, и всегда в долгах. Цари в долгах не бывают.

- А это, дорогая, мое хобби: люблю занимать, а потом отдавать, что тут такого? Зарплата сторожа маленькая, а кормить пяток деток и одну жирную бабицу - дело сложное.

- Жить с тобой, лентяем, это действительно очень сложно, сынов бы постыдился, - крикнула Марьяна, распаяясь. – Обещал огород трактором вспахать, а вместо того шлялся где-то целую неделю. Где ты был?

- У брата гостил.

- Я звонила, брат тебя не видел полгода!

- Он забыл. У него с головой плохо. Стукнулся о тыкву. Полосатую, сорт такой.

- Я уйду от тебя, - сказала женщина, и заплакала.

- Кому ты нужна с пятью двоечниками? – удивился Аркашка и выпучил левый глаз. – Все переменится к лучшему, - сказал, и опять ушел в неизвестность.

Жена работала на двух работах, а теща сидела с детьми, огородом, поросятами, и курами.

- Аркаша, - сказала устало бабка как-то зятю, - прошу, поищи более денежную работу, доча-то моя убивается на двух местах, а так на тебя надеялась-то? Жена тебе все же, пожалел бы ее.

- Я с детства читать книжки люблю, - строго сказал Аркадий, глядя не на тещу, а в потолок, - люблю читать, понимаете? Вы с дочей своей, на двоих, хотя бы один букварь освоили, а?

Теща ответствовала тихо:

- Освоили, мил дружок. Это у тебя 8 классов с коридорами, а я десятилетку окончила, а Марьяша – техникум.

- Да? А кругозора никакого! Книги надо читать, в них вся сила! Самообразование! Книги – это свет, а тещи – это тьма. Вот сейчас, к примеру, читаю одну очень мудрую книжицу под названием: "Почему все бабы дурынды страшные, а мужчины - умные кузнечики?" профессора Дудница. Еврей такой.

Зашла Марьяна, поглядела на вытянутое мамкино лицо, вклинулась в разговор:

- Ты не обижайся, Аркадий, но скажу честно: я устала от этой твоей демагогии, образованный ты наш. Вот так, как сейчас, даже я, со своими двоечниками, жить не хочу. Хочу в нормальных условиях, как люди, обретаться, а не приживалкой у моей матери старой, ей покой нужен, а детей – пять, шум и гам, то дерутся, то плачут. И ты тут еще, со своим аппетитом и дурацкими гри масами. Не смешно. Уходи от нас, ладно?

Что-то неуловимо изменилось в лице Аркашки, он стал деловым, что ли, перестал шевелить ушами, сел на стул:

- *Ладно, Марьяша, прости, успокойся, все будет хорошо. Скоро будем жить в хорошем доме с садом.* – При этих словах шея у тещи вытянулась, как у гусыни, и окаменела. – *Ну, правда, чуток осталось.*

- *Ой, насмешил, суслик ушастый! Давай, сними штаны еще, помаши причиндалами, чтобы нам всем веселее было!*

- *Я копил деньги, и давно на подработке. Не только сторожем, но и на ремонте квартир. Плюс как-то выиграл джекпот в лотерею. Я серьезно занимался этим делом, ну, поверьте мне, девочки!*

У Марьяны в зобу сперло дыхание, три минуты она не могла выговорить ни слова, а потом выдохнула:

- *Правда? Какой ты у меня молодец! Принц мой белоснежный! Красавец мой таинственный! Мужик мой работающий! Сокол мой быстроекрылый! Дай, расцелую тебя!*

Аркашка хотел издать какой-нибудь смешной звук по привычке, но сильные мощные руки жены уже обхватили его, притянули к губам, он деланно смутился и передумал: все-таки отец такого большого семейства и владелец дома с садом должен быть более серьезным! Разве не так?!

Японский городской

Георгий, то есть Гоша, рос без отца. Родитель, конечно, был, но увлекался не детьми от четырех жен, их кормлением и воспитанием, а алкоголем и болтологией, работать не любил. Обычно бездельничал, лежа в сени виноградных лоз материнского дома, и читал потрепанные книжки, покуривая сладкую сигаретку. В общем, сибарит, любимыми выражениями которого были «японский городской» и «не комильфо». О японском полицейском Цудо Сандзо, напавшем 11 мая на цесаревича Николая II, и рубанувшем наследника по черепу саблей, папаша вычитал когда – то в юности и странным образом проникся этим событием, а на языке навсегда повисло выражение «японский городской». «Не комильфо» он услышал от первой пассии, и потому женился сразу, сочтя, что подруга достаточно образована, чтобы стать ему парой. Позже, впрочем, бросил без сожаления, но Гошка, толком не запомнив отца, усвоил выражение про городского и произносил его экзальтированно, нахально, и с вызовом:

- *Японский! Городской!* - и поднимал палец вверх. А что, надо ценить словесное «наследство» от родителя, каким бы оно ни было мизерным.

Школьником Гоша сбегал с уроков, - науки его не интересовали, - и учился курить. Кое – как одолел 9 классов, далее, спустя время, забрали в армию. Служил в Мурманской области, где в основном чистил снег, красил траву в зеленый цвет и дрался с сослуживцами на табуретках. Несколько раз в перерывах между этими важными занятиями старшины давали солдатикам поддержать в руках деревянный макет автомата, и сказать: «*Тра-та-та! Пух! Пах! Враг убит!*». Гошке это нравилось; все, как в сопливом детстве, словно вернулся назад, и балдеешь с детьми в песочнице. Еду давали скудную, но Георгий и с мамкой не особенно роскошествовал, потому приучился любить хлеб без ничего. Хлеба ломоть и чая пол-литра, вот и сыт.

На службе неожиданно быстро вырос и превратился в здорового детину, красотой и ростом пошел в мать, так что после армии пользовался у девчат немалым спросом. Эта странная метаморфоза поразила соседей, знавших парня еще постреленком:

- Ну и ну, - говорили. – *Даже нос из кнопки превратился в римский. Бывает же такое? Был воробышко, а стал орел!*

Орел шоферил, подрабатывал на море спасателем. Как-то подхватил мальчонку 3-х лет на полузатопленном матрасе.

- *Японский городской!* – прокомментировал, - *детей малых берут в море, безмозглые взрослые!* – (Тучная бабка соскользнула с матраса, надеясь спасти внука, и потонула, конечно).

В другой раз вытащил девчушку, тягун поволок:

- *Куда смотрят родители!* - возмущался громко, - *японский городской! Лопают пиво, имбицилы, за ребятей не смотрят, жалко их, беспризорных...*

- *Чтобы не жалеть, своих заведи,* - как-то неосмотрительно заметила мать.

- *Придет время, заведу!*

Пришло это время, да уж: в доме появилась некрасивая женщина, в годах, для знакомства с мамашей жениха. Встала на пороге и принялась изучать потолок. По шее струились тонкие морщинки.

- *Вот Лиза, моя невеста,* - сказал Георгий нежно, - *правда, мам, классная тетка она у меня?*

Мама что-то промычала, а после ухода снохи страшно возмутилась:

- *Тебе что, сынок, девок не хватает? Все побережье ими усыпано?! Любую пальцем помани?*

Гриша присел на стул:

- *Мне ее жалко, ма, ну, японский городской? Кто ж ее возьмет, такую страшенькую и староватую, да еще с двумя детьми? Два пацана у нее, Алешка и Олежка, от двух предыдущих мужей, грека и армянина, симпатичные детки, им папка нужен.*

Мать еле не грохнулась в обморок: будучи редкой красавицей, изящной и полной тонкого вкуса, она и в людях любила эту голубую кровь, артистизм, образованность, чувственность, хорошие данные, гармонию, а тут что?

«*Старая корова,* - подумала она с горечью, - *куда катится этот мир? Бесстыдство полнейшее, ни нравственности, ни морали; завлекла мальчишку и задрала голову. Все навыворот! Господи, верни Домострой!*». А вслух, еле сдерживаясь:

- *Еще и с детьми? Ты определенно сошел с ума. Сам еще ребенок: под подушкой машинки прячешь. От кого она их нагуляла, чад своих?*

- *Ничего не нагуляла, мам, официальные браки, все нормально. Было еще два, но там детей не завелось. Ну, не открывай ты так рот, пацаны хорошие, я с ними играюсь, и Лиза очень добрая. Она медсестра, сердце у нее одинокое, мы друг друга, может, искали? Любовь у нас, может, вечная? А, японский городской?*

И впрягся Гоша в работу, семья как-никак, дети. Некрасивая Лиза имела легкий характер, щедрую душу. Уступчивая и милая, и Гоша полюбил ее искренне. Уходя на смену, оставлял ей записочку непременно: «*Дорогая Лизонька, три маленьких и больших поцелуя чмок – чмок-чмок, КРЕПКО – КРЕПКО! Дом убрал, хлеба купил, позвоню, если будет время. Береги себя и сынков. Ваш папка*».

Гоша познакомился с Лизой на приеме терапевта: заболел желудок, мучила мигрень. Это, знал, результат службы: простуда, плохое питание, и странные непроизводительные занятия на свежем воздухе.

Дети пошли в школу, они были погодки, но Олежка слабоват, и потому оба сели в первый класс. У Гоши проявился еще и радикулит, «молодые» поднапряглись и купили в кредит подержанную машину, чтобы где-то проехать, а не тащиться пешком с руками, опутанными сумками и детьми.

- *Это хорошо*, - сказала мать Лизы, - *машина-то, домик бы вам еще, или квартиру, а то снимаете жилье, а это дорого и тесно.*

- *Работаем, мама, над этим*, - хором заметили Лиза с Гошей, - *да зарплаты никакие.*

Но работали не только над «этим», но и над «другим», ибо скоро родился совместный киндер, опять сын, желанный и последний, видимо, Елизаветы. Рождался он нелегко и больно, и Лиза, в потугах, не раз вспоминала Сарру, жену Авраамову, которую сподобил Господь понести на старости лет Исаака. И шептала искусанными губами:

- *Господи, помоги!*

Гоша от радости чуть не рехнулся. С того самого часа, как стал отцом, он решил всего себя посвятить сыну, и, памятуя о своем обездоленном детстве, стал отцом - наседкой. Он прирос к ребенку. Мать для кормления отбирала Тишку у Георгия силой, тот не спускал его с рук. Обласканный малыш очень рано стал ходить, читать, помогать по дому. Крохотный, а уже тянет ручонки к молотку: дай, помогу, отец! Или у ног матери вьется, просит помыть чашечку.

Так прошло три года. И грянула мобилизация. С этого сентябрьского дня в молодой семье не стало покоя, страх поселился в каждом углу. Георгий перестал спать. Болезни обострились. Каждый день ждал повестку, вздрагивал, если звонили в дверь, или тренькал телефон. Бабка утопала в слезах, в конце концов, не выдержала накала, и ушла в монастырь.

- *Вот уже троих забрали из нашей бригады, японский городовой, видно, я на очереди*, - заявил жене ночью.

- *Гоша, ты успокойся или уж иди на эту операцию.*

- *Ты думаешь, что говоришь, Лиза? Кто будет кормить вас, платить кредиты? Ты одна не вытянешь.*

- *Не вижу выхода, дорогой. Страх ожидания страшнее всего на свете. Может, и убьют тебя, но люди и вообще умирают, даже малые, даже младенцы. Это уж как Бог управит.*

Лиза не умела хорошо говорить, она хотела донести мысль, что если не удастся вернуться от удара, и он вскоре тебя настигнет, то стоит ли бегать вообще?

- *Целый год живем как на вулкане, ты испереживался весь, язва обострилась. Иди, а я молиться буду*, - продолжила жена, глядя Гошу по спине теплой ладонью.

- *Может и так*, - вздохнул Георгий, блестя в темноте глазами, - *убежать не смогу, - нет денег, да и патриот я.*

За патриотом пришли на работу через неделю, принудили подписать контракт. Дома воин сказал жене:

- *Вот и все, моя дорогая Лиза! Завтра отправляюсь! Береги себя и пацанов, не плачь, и им не позволяй, все будет нормалёк.*

Подбежавший Тишка понял что-то; сморщил носик, завлажнел глазками, притиснулся к ноге отца, на что тот, не удержавшись, прикрикнул:

- *Отставить слезы! Это нынче не комильфо! Папка ваш нигде не пропадет, он, это... не японский городовой!*

Кротость – свойство людей сильных

Клавдия Степановна до войны командовала крупным ленинградским универмагом. Блокада круто изменила её жизнь: мужа арестовали. И вот, молодая, умная и красивая женщина осталась одна с тремя детьми, младшему на начало войны исполнилось полтора года. Пережила эвакуацию в далекий, незнакомый, продуваемый ветрами Казахстан. Поселили у самой китайской границы, в места холодные, Богом забытые. Как в стихах:

Занесла меня судьбина

в такую глушь -

Нет ни деревца, ни тына -

солонцы да сушь.

Средняя дочка, Надя, постоянно болела ангиной, ей бы в Крыму жить, а не в этом глухом крае. Благо, в деревне оказалась знающая докторша, тоже из Ленинграда:

- Клавочка, если Надюша доживет до 17-и лет, будет жить и дальше, надо постараться! – Вот и тянули две женщины девчущку до семнадцати.

Жили в деревянном домике с печкой, топить зимой ее надо было постоянно, чтобы детям было тепло, особенно болящей. Дровами не особо разживешься, больше кизяки в ход шли, а они быстро прогорают. Старшая, Валентина, уже закончила десятилетку и решила учиться на педагога, а за братом присматривала Надя. Клавдия Степановна заведовала магазином, единственным в деревне, где продавалось все: керосин соседствовал с хомутами, крупы с гвоздями, мыло с ведрами. Интеллигентную заведующую уважали местные, в деревне никто её не называл женой врага народа, сочувственно смотрели, тепло здоровались. А Наде становилось все хуже и хуже, и врачиха добилась перемены места жительства. Переехала Клавдия в пределах того же Казахстана, но в городок с более щадящим климатом. Там Наде минуло 17 лет, и она расцвела. Глаза – озера синие, коса до полу. Окончила среднюю школу, да и уехала в Среднюю Азию учиться в техникум, поближе к теплу. Клавдия Степановна выдохнула: кризис миновал. Подрастал сын Борис. Старшая Валентина была уже замужем, работала директором школы. Бабушка на пенсии помогала дочери нянчить трех внуков. Дочь – директор, и зять – начальник на производстве, а Клавдия Степановна – дома командует, все хозяйство на ней, и внуки, конечно. Приехала Наденька, окончив учебу: ей через месяц на работу по распределению.

Мать не могла наглядеться на дочь свою умницу и красавицу писаную, но тут увидела вещий сон, и содрогнулась, пытаясь забыть его. Вечером, после бани, Наде стало плохо: температура, тошнота. Увезли в больницу, но на третий день ей стало нестерпимо больно, умерла мгновенно: кровоизлияние. Клавдия не выла, не стенала, волос с головы не рвала, только почернела, да поселилась в сухих глазах печаль извечная.

- Бог дал, Бог и взял, - отвечала строго на соболезнования людям, отворачивалась и быстро уходила.

Остался с матерью сын Борис, жениться не хотел, хотя злые языки поговаривали, что на стороне у него имеется ребенок. Он дружил с одноклассницей, и мать особо за него не беспокоилась.

Однажды эта красивая парочка, Борис и Елена, возвращалась с последнего сеанса кино. Держались за руки, светила луна, было лето:

- *Ой!* – вскрикнула девушка. – *Как же, Борька, тут хорошо! Пойдем садами-огородами, по травушке пушистой!*

Тут со стороны прилетел камень и угодил Борису в висок, тот рухнул, и больше не встал. Пронзительный девичий крик разрезал тишину пополам. Клавдия Степановна сама убрала сына, организовала похороны и обед. Она ничего не упустила, ничего не забыла, душа-то плакала и билась, но кто видел это? Однако окружающие Клаву люди оценили эту выдержку и стойкость, поразились. Будучи атеисткой, заявила твердо:

- *Значит, так угодно Богу, не моя воля, но ЕГО!*

Правильно сказал когда-то Квинт Тертуллиан: *«душа по природе – христианка».*

Теперь на семейном, так сказать, балансе, осталась только старшая Валентина с зятем и тремя детьми. Клавдия и суетилась с тройным усердием - варила вкусные обеды для четверых мужчин, заготавливала варенья-компоты, стирала, копалась на даче, следила за внуками. Дел невпроворот, только успевай. Мальчишки свою бабушку просто обожали, без нее – ни шагу, помощники и юмористы. Клавдия никогда не жаловалась на судьбу, что в мирной жизни лишилась мужа и двоих детей. Утешала плачущих, давала займы всегда, что было, никогда и ни с кем не сплетничала, не лезла в отношения дочери, была доброжелательна и трудолюбива.

Особо привязалась к младшему внуку Игорю, которого в семье звали Егорка. Он родился, когда оба старших брата уже прилично подросли. И его, последыша, да еще красивенького, как красно солнышко, любили все. В пятилетнем возрасте попросил отвести себя в церковь и крестить. Родители пришли в громадное недоумение: откуда у мальчишки такое странное желание? Может, подговорил кто, сынок, а? Но тот молчал, и уперся, и плакал, и бился, пока на его тоненькой шее не заблестал малюсенький крестик. Однако родители старались одевать сыну рубашечки с высоким воротом, абы кто из людей не прознал, не донес.

Пролетели 17 лет. Игорек отправился в Ленинград поступать в Университет. И поступил. Каникулы проводил с бабушкой, которая была все еще деловитая и разумная. Все также хозяйничала на кухне, сооружая любимому внуку отбивные котлеты. Закончил Игорь учебу, по традиции ребята-сокурсники, теперь уже готовые геологи, решили в общежитии устроить вечеринку. Игорь не пил вина, он вообще не пил, но курил с недавнего времени. Он вышел из парадного, прислонился к стенке и закурил. Это видел один из знакомых, который поздоровался с ним. Прошел час, другой, ребята забеспокоились: где Егорка? Походили по комнатам, поспрашивали. Услышали звук сирены «Скорой помощи», выбежали. Игорь лежал у стены мертвый, с ножом в груди.

Отец хоронил сына там же, в столице на Неве. Мать Валентина от горя слегла. Клавдия Степановна ничего не говорила, он сомкнула губы в тонкую скобку и страдала молча. Механически ополаскивая чашки под журчащей водой, думала о скорой встрече с дочкой, мужем, сыном, внуком.

«Я скоро, любимые. Вы только подождите...»

И я, когда вспоминаю об этой своей давней знакомой, всегда думаю: *не о таких ли вот смиренных, как Клавдия Степановна, людях, говорил Господь наш - «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» (Мф. 5: 5)*

Цветок жизни

Варвара Сергеевна возвращалась в Москву, где жили ее дети, с 4-летним внуком. Лето, жара, поезд. В купе расположилась полная молодая дама, она деловито поглощала лапшу «Доширак» с половиной батона колбасы. Косо и недоброжелательно встретила она новых попутчиков, и, надув пухлые губки, изрекла, сверля взглядом мальчонку:

- Между прочим, с детьми есть отдельное купе, понарожают такие вот бабушки внуков, и потом отдохнуть не дают приличным людям...

Варвара Степановна промолчала, застывая нижнюю полку, а внучок осваивал замкнутое пространство: двигал дверями купе, залез ногами на столик, опрокинул тёткин «Доширак», пытался поскакать на чемодане, но воткнулся в стойку столика и тихо заплакал. Быстро высох от слез и заявил громко:

- Тут плохое доЛожное движение!

- Не ребенок, а чертенюк, - вспыхнула толстая дама, понаблюдав три минуты за активными действиями мальчика, и, стряхивая лапшичку с колен, - не воспитываете мальчика, потому он егоза у вас и шалун!!!

Бабушка не выдержала:

- Не сердитесь! Дети есть дети, для них жизнь – это движение! Это цветы жизни, между прочим!

- Нет, - не согласилась женщина, - ваш внучок - исключение, репей придорожный, такие только ремень понимают.

Чтобы смягчить обстановку, бабушка представилась:

- Меня зовут Варвара Степановна, а вас?

- Да Римма я, - буркнула та.

- Риммочка, у вас есть, наверняка, свои дети, и вы понимаете, что вагон - не лучшее для них место.

- У меня нет детей! – с вызовом, почти крикнула, - хотя я замужем не первый год.

После чего сердитая соседка отвернулась к стене, а малыш приступил к трапезе. Весь вечер внук носился туда-сюда по всем купе, знакомясь с людьми, а Варвара стояла в коридоре у окна.

Спать улеглись на полке вдвоем, внучок вздрагивал и вертелся, а бабушка накрывала его одеялом. Она не спала совсем, то сидела, то ложилась «валетом», то прохаживалась по спящему коридору. Римма храпела, как казак в русско-турецкую.

Утро началось по накатанной: внучок ни минуты не сидел спокойно, даже покусился на шоколадку Риммы, что совсем было неэтично, но он делал это с провокацией, пытаясь обратить на себя внимание, подружиться таким вот маневром. Варвара же Степановна боролась со сном, часто моргая и ерзая. Она уже не бегала за внуком; силы оставили её, она думала: «Никуда не денется, двери наружу заперты».

И окончательно провалилась в сон. Падая на дно пропасти, покрытой чем-то волнующе-мягким, она услышала, как попутчица сказала:

- А ну, малыши, тащи свою машинку, будем грузить песок!

Сашулька заинтересовался: песка же не было. Он принес свою маленькую облезлую машинку, и на столе появилась «строительная площадка». Руки Риммы стали ковшом экскаватора, а также краном, и бульдозером. Грузили сахар – песок из пакетиков, и работа закипела. Виртуозные движения рук полной тетеньки завораживали малыша, а команды сыпались одна за другой. Виртуальная игра захватила обоих, пока бабушка спала, неудобно прилепившись к стене. Находчивая Римма, как грамотный прораб, задействовала все, что было под рукой. Не только сахар, но и чай, ручку, тюбик помады (газовая труба), салфетки, заколки, обертки конфет (целлюлоза), и сами конфеты (обед для работников стройки)...

Она громко и властно руководила работами, на ходу выдумывая разнообразные экстренные ситуации: аварии, пожар, ремонт, недопоставки стройматериалов. Разными голосами озвучивала персонажей:

- *Водитель молодец, выдать премию! Грузчика уволить, разбил стекло!*

- *Не надо грузчика, он хороший,* - подыгрывал маленький Саша, улыбаясь, - *а, тетя Римма?!*

- *Грузчика не увольнять, он хороший! Но не давать зарплату никогда, пусть работает задаром!*

Они смеялись, взрослый да малый, пихали друг друга локтями, и написали на салфетке докладную директору, чтобы обеспечил стройку новым автотранспортом. Крупными печатными буквами Сашок намалевал под диктовку: *Директору. Просим прислать нам сто больших машин, а то стройка встанет. И тогда вас, как негодного начальника и жулика, посадят в Колыму.*

Сердитые работяги.

Тем временем бабушка проснулась, наступила пора обеда. Внук трепетал: он был полон новых больших проектов и желаний.

- *Успокойся, Александр Дмитрич,* - сказала прораб Римма сопливому руководству, - *ешь, после обеда начнем возведение аэропорта.*

Сашок поел и стал засыпать, а Римма принялась сооружать из бумаги стаи самолетиков.

- *Вы отдохайте,* - сказала миролюбиво Варваре Степановне, - *а мы с Сашей, когда проснется, то и поиграем, и погуляем. Нам тут в Токио слетать надо!*

Вторая половина дня прошла для бабушки мирно и безболезненно: Саша был плотно занят Риммой. Он висел на ее шее, пока они «летали» в Токио и Сингапур. Потом они поплыли на Бермуды. Потом достроили аэропорт и космодром и улетели на Луну. На Луне астронавтов встретили недружелюбные кракозябры, но получили отпор. Поэтому оттуда парочка вернулась усталая и почему-то перепачканная мороженым. После этого был ужин. Сашок сидел на полных коленях Риммы и гладил ее за щеку:

- *Теть Римм, давай вместе жить? Нам бабушка мешать не будет.*

Римма закашлялась. Подмигнув Варваре Степановне, сказала малышу:

- *Я приеду к вам, но попозже, а сейчас меня дядя ждет и собачка. Дядя плакать будет, он соскучился.*

- *И собачка заплачет?*

- *Да.*

Потом женщина виновато посмотрела на Варвару:

- *Варвара Степановна, простите меня за грубость, ладно? Спасибо вам за внука, он просто прелесть. Одуванчик, цветочек, конфетка жизни. Скрасил мою поездку, давно я так не веселилась!*

Не сотвори из себя кумира

Людмила Гавриловна родилась и состарилась в Алма – Ате. Единственный ребенок в благополучной семье был обласкан до невозможности. Ее судьба с точки зрения обывателей была яркой, как солнце: все вокруг Людмилы светилось и переливалось, преследовала Удача, сопровождали Успехи, не отлипала Фортуна, и вся их наемная свита со всеми возможными привилегиями. Школа и институт - с золотыми медалями, разумеется, как похвально окончена и музыкальная академия. Образчик «золотой» девушки распределился в министерство, на вполне себе уютный пост. Министром на стала, как Екатерина Фурцева, но мало чем ей уступала по красоте, обаянию и обожанию, занимая пост начальника крупного отдела по импорту – экспорту. А что в далекие времена СССР такой пост распределителя благ? Да все! И ты сам в шоколаде - на шее нить натурального жемчуга, на ногах – французские сапожки, дубленочка из Швеции, парфюм из Италии. И все мужики сворачивают шеи за этим шлейфом Tiziana Terenzi, и проклинают своих жен, которые, ясно, до такой небесной красоты и «пахучести» не дотягивают. Поначалу неистово путешествовала, не была разве только в Антарктиде и на Аляске, - не захотелось: холодно. Потом остепенилась, покрутила головой в поисках кавалеров и вышла замуж по расчету, за вдовца – коллекционера. Детей не планировала с юности. Поселилась в красивой квартире мужа, похожей на музей. Медленно плавая, как в аквариуме, среди венецианских зеркал и картин кистей Джотто и Мазаччо, она прикрикивала на прислугу, яростно натиравшую антиквариат и готовившую изысканные яства. Сама же в своей счастливой жизни не вымыла ни одной тарелки, не купила ни буханки хлеба, не почистила ни одной картофелины. На работе – успехи, да премии, в личной жизни - стабильность и роскошь. Муж баловал молодую яркую жену, ни в чем не отказывал: шкафы ломались от шуб и костюмов, а пальцев не хватало для колец с бриллиантами. Людмила по этому поводу часто предсказуемо шутила:

- Хоть еще десяток пальчиков пришивай, правда, же, Котя?

Живи, да радуйся, как говорится. Но... Бывает и у богатых это самое «но».

Грянула перестройка, а потом и развал СССР. Все это внесло хаос в общественную и личную жизнь. Пожилой муж не выдержал потрясений и скоростно скончался, только его и видели. Старая, испытанная честная домработница уехала к детям в Россию, а Людмила осталась одна, без мужа, служанок, удачи и счастья. Отдел ее сократили, а саму отправили на пенсию. Женщина перебивалась сухомятиной: готовить не умела и не хотела: не комильфо. Часто кто – то стучал в дверь, в глазок Люда видела местных ребят, кричавших оскорбления и царапающих дверь перочинными ножами. Мир летел в тартарары, и как было удержаться? Звонил по ночам телефон с требованиями отдать квартиру, страшные угрозы произносили каждый раз разные голоса, и казалось, что весь мир против тебя, все желают смерти. Людмила Гавриловна исхудала, опала лицом, потеряла сон, и дрожала, как суслик. Зашторила окна, на дверь навесила цепей, а соседка сверху спускала корзину с продуктами. В дверь стали не просто стучать, а ломиться. Терпела- терпела, да и отправилась утречком в милицию писать заявление. Дежурный устало и сухо пообещал прислать патруль, но не сказал, когда. В городе было беспокойно: шел процесс отнятия и дележа квартир и домов, брошенных утекшими русскими. А тут не только квартира, но и богатство неисчислимое, Людмила обоснованно боялась. Спустя недели две пришла женщина в форме. Людмила описала ситуацию со слезой, вплоть до деталей: что сидит на хлебе и воде, что от стресса сильно постарела, и что выпали с испугу волосы, и открылась диарея.

- Диарей, - повторила она, - *прямо-таки очень сильная... разноцветная, даже...*

Женщина в форме, Марина, невозмутимо все выслушала за чашкой кофе, который сама и сварила, обошла квартиру, рассказала о мародерстве, и пообещала помочь.

Стала приходить раз в неделю, успокаивала, закупала кое- что из продуктов, быстро варила каши и киселя. Людмила рассказала всю свою красивую жизнь, показала кольца, шубы и мебель.

- *А вот зеркальце от Лукреции Борджиа, род такой из Валенсии, если не путаю...* - и Людмила покрутила в руках историческую реликвию, тонкую, изящнейшую вещь, через века оказавшуюся вместо резиденции известных отравителей в центре Азии, в квартире, опутанной угрозами и мстостью со стороны бывших кочевников и скотоводов.

Марина сделала проникновенное лицо, хотя ей плевать было на старину, а вот денежный эквивалент этой рухляди весьма заинтересовал.

Через полгода Людмила Гавриловна, под неусыпной опекой милиционерши Марины слегка успокоилась, доверилась и даже поправилась на полкило, и считала недавно чужую женщину родной душой.

- *Людмила Гавриловна, я вам принесла российские газеты, почитайте объявления об опеке над старушками, возможно, какой вариант вам и подойдет?*

В следующий раз то же самое: *«Почитали, Гавриловна? Интересный вариант с Анапой. Курорт, тепло, красивый особняк, своя комната. И, представьте, на всё готовом! И пенсия – ваша! Никто не отберет! Устроить вам?»*

- *Да-да, Мариночка, мне это объявление пришлось по душе, но я думаю, думаю. Я ведь за это время стала верующей. Вот и думаю, что вас мне Бог послал. А что с отъездом?*

- *О, не волнуйтесь! Я все устрою: пенсию переведу, билеты куплю, чемодан вам загрузу, на самолет посажу. Вот телефон, поговорите с вашей анапской опекуницей:*

- *Але, -* проскрипела Людмила Гавриловна, - *это Анапа? Галина Николаевна? Очень, знаете ли, приятно!*

И начались сборы.

- *Мариночка, а как моя квартира? И все добро в ней?*

- *Да не волнуйтесь вы! Когда получите российское гражданство, с опекуницей продадите всё, а денежки на ваш счет плюхнутся, опять будете путешествовать, жить припеваючи, знаете, на таких больших круизных лайнерах кататься туда – сюда... Заживете, ох, и заживете!*

Людмила Гавриловна улыбнулась: а что? Она и должна зажить хорошо, родилась для этого, и это справедливо. Собрала халатики и купальники в чемодан, Марина увезла ее в аэропорт.

Галина Николаевна, пахнувшая жаром и арбузами, встретила ласково, обнимала, хохотала, угощала. *«Очень колоритная: сильная, усатая, черноглазая, -* думала Людмила. – *Хороший человек».*

Комната на 2-ом этаже была приличной, обставлена всем, вплоть до холодильника. Последующие полгода прошли сносно, опекаемая столовалась вместе с хозяевами, но Галина уже не обнималась, и не улыбалась, пенсию оставляла себе, велела самой постоялице убирать комнату и мыть посуду. Потом две женщины разругались, Галина Николаевна толкнула Гавриловну, та упала и разбила ухо. Долго плакала, потому что и ухо жалко, и в жизни с ней таких вещей не происходило. Теперь Людмила варила себе гречку на электроплитке, с хозяйкой не общалась.

Никакого гражданства Галина не собиралась оформлять, о чем нагло сообщила Людмиле, собирающейся вернуться в Алма – Ату. Но тут старуха узнала, что Марина – дочь ее хозяйки и не только заняла квартиру, но и оформила ее на себя! Она побежала к «Галке» и назвала ее мошенницей. Та, однако, обиделась, и перестала пускать ее в церковь, запирала на ночь. Людмила договорилась с соседкой в обход Галины, и та грузила ей корзинку с продуктами, потом и это лавочку хозяйка прикрыла. Как – то жарким днем Людмила сбежала, а каким образом – никто не ведает. Говорят, ее видели в местной Церкви, разговаривающей с батюшкой. Отец Иоанн никогда не рассказывал, куда отправил Людмилу Гавриловну. Но одной прихожанке, духовно близкой, по секрету шепнул:

- Каждый человек – источник своих бед. Жалко женщину, совсем запуталась. Отправил туда, - и махнул рукой. – Пока есть время, пусть кается. Много грешила, в гордыне вся. И ты иди, дорогая, все тебе знать надо. Узнала? Так иди, и не болтай никому. Молись, да Бога не забывай!

И ушел.

Mein Gott

- Открывать! Открывать! – кричала обезумевшая Ирма, *- o! Mein Gott!* – мой Генрих там, на вокзал! *Открывать дверь! bitte schön!* – и трепала за куртку проводницу. Между тем бездушный поезд набирал скорость. Слезы текли ручьем по щекам женщины.

- Да замолчи ты, наконец! Верещишь как резаное порося, позову бригадира, - вырывалась та из цепких рук немки.

- Ну, чего тебе? – недовольно спросил огромный детина. – Ирма, плача и сморкаясь, сбивчиво поведала свое горе: они, втроём, как депортированные немцы, ехали из Поволжья в Казахстан, а муж Генрих сошел на остановке, чтобы обменять золотые сережки на хлеб, а вот поезд ушел, и что делать? Не успел, остался...

- Никуда не денется твой Генрих, чай, не ребенок, а ты не истери, замолчи, не то высажу и будешь бежать по рельсам, задрыга. Или еще хуже: объявлю шпионкой, тогда и бежать не придется, - пойдешь к стенке за пулей, а потом к своему немецкому Богу, рвать эдельвейсы на лугах вышних, немчура проклятая. – Изрек все это, и ушел.

Ирма поплелась на свое место, где ее дожидалась зареванная сестра Эрика. Она тихо прошептала на немецком: *«Пока я пялилась в окно, и пыталась открыть форточку, чтобы позвать Генриха, кто-то украл наш чемоданчик с документами и сменой белья...»*

Ушла толстая баба по соседству ехидно высказалась:

- Индо это еще хорошо, что ваш узел с верхней полки не сперли!

- Schweine! (Свиньи!) – только и могла сказать Ирма, пряча в пальто сопливый платок.

Сестры затихли, так как шла война, и немцев ненавидели. Женщин привезли в большой областной город, но за отсутствием документов сплывили в деревню. Поначалу пришлось нелегко: жили в землянке, ели мороженую картошку, а потом Ирму пригласили в школу преподавать немецкий язык, но при условии смены имени. Так бойкая и энергичная Ирма стала Ириной Карловной, учительницей, и получила теплый домик с огородом. Эрика убирала навоз на ферме, а запах настолько въелся в нее, что даже отпугивал бродячих собак.

- Сестренка, не стой рядом! – просила Ирма, проверяя тетрадки учеников. *- Голова от тебя болит.* – Та обижалась, конечно.

Прошло три года, закончилась война. В деревню приехал инспектор:

- *Nemku от детей убрать!* – рявкнул. – И подписал соответствующую бумагу.

- *Auf Wiedersehen, деревня!* – выдохнули сестры, и перебрались в небольшой шахтерский городок, где для врагинь народа нашлись две «неплохие» должности в туберкулезном диспансере. – Ирма стала кастеляншей, а Эрика или Эмма – нянечкой. Опасаясь заражения, мало кто жаждал работать в этой клинике, и ни сладкие посулы, ни высокие зарплаты не помогали. Но сестрицам деваться некуда, поэтому работали на совесть, и по прошествии времени им выделили комнатенку в трехкомнатной квартире, то есть подселили к семье. Главврач, отец-благодетель Иван Степаныч, хряпнув спиритику, напутствовал новоселов добрым словом:

- *Клиника дарит вам, женщины, две списанные железные кровати, хоть вы и немцы, но тоже люди...*

Сестры жили тихо, как мыши, хозяев не беспокоили, готовили еду на электроплитке в своей комнате, между собой общались только на родном языке, никогда не ссорились и не смеялись. Ирма вздыхала, часто вспоминала своего доброго, неуклюжего мужа, похожего на медвежонка, сроду ничем не обидевшего ее, и любящего беззаветно. *Oх, mein geliebter Gott (мой любимый Бог), был бы жив мой Генрих, как было бы хорошо!*

Но Генриха не было, зато годы накатывались без стеснения, морщилась кожа, седели волосы, побаливали ноги. Обеих сестер отправили на пенсию в 50 лет: вредное производство, так полагалось. У Ирмы пенсия повыше, у Эрики - поменьше. Питались вскладчину, неделю готовит одна, неделю – другая. Ирма иногда подрабатывала за отпускников на прежней работе, - ее просил главврач, - а Эрика вязала крючком кружева, их охотно покупали местные модницы на воскресном базаре. Каждую заработанную копейку опускали в большую фарфоровую свинью. Собирали деньги на обратную дорогу домой, в Поволжье. Хотели умереть там, где родились. Ели мало и ходили на две высохшие доски без сисек. Ни на что не жаловались, всегда улыбались приветливо и по-доброму относились к соседям. Ирма часто повторяла: *«Ich danke Gott für alles!»* (Благодарю Бога за все!).

Что особенно удивляло соседей: сестры всегда вставали очень рано, никогда днем не ложились, кровати стояли заправленные, пол протирался ежедневно, комната проветривалась. Чистюли, в общем. Тихую, молчаливую Эрику (Эмму) часто звали посидеть с детьми.

- *Guten Morgen!* - говорили, чтобы угодить, - *приходите, тетя Эмма, с детьми посидеть.*

- *Хорошо,* - говорила та. Она рада была присмотреть за чужой малышкой, своих-то детей никогда не было.

Никто ни разу не слышал от нее отказа, даже если было давление, или сердце шалило, только поправляла платок на голове, и быстро шла. Сказала как – то сестре:

- *Alles ist durchaus erträglich (Все вполне сносно), но плохо, что кирхи нет.*

Как-то приехал двоюродный брат – офицер из Германии, - нашел по своим каналам, - так, вспомнить лица родственников. Пообщался чуть-чуть, выслушал одиссею сестер, сказал сочувственно:

- *Еле язык ваш понимаю, какой странный он, как незнакомый диалект. Впрочем, неважно... Да, поколбасило вас, дорогие мои тетушки, врагу не пожелаешь. Но что делать, уже и жизнь ваша под уклон, не исправить ничего, старое дерево не пересаживают, тут вам стареть, тут вам и умирать.* – Подкрутил усы, да и уехал. Спасибо, что был.

Еще порог не остыл за гостем, как из больницы звонят, просят Ирму заменить заболевшую кастеляншу. Пошла, что же не пойти? На второй день подваливает к Ирме повариха, говорит:

- *Подь сюда, Ирка! У нас тут больной появился, вроде немчура, как и ты, иди покорми, не ест, шельма, сдохнет же.*

Ирма побежала в палату, долго сидела в ногах больного, похожего на лист фанеры, - серый и плоский, но, то ли тот был в забытьи, то ли просто притворился и видеть никого не хотел. Глаза не открывал, и все. Так бывает, когда хочешь умереть, а тебе не дают.

А потом шевельнулись веки, из-под них полился слабый свет, и Ирма закричала истошно:

- *Nein, nein! Mein Gott, das ist Heinrich! (Нет, нет! Мой Бог, это же Генрих!).*

Все эти 25 лет ее Генрих, милый любимый муж, искал жену, не терял надежду, и она его не подвела!

А потом трое долго плакали, вконец залив пол в комнатушке, но не от жалости к себе ревели, совсем нет, а от счастья, от того, что Бог всегда помнил о них. А позже, когда Генрих поправился, они собрались и уехали в Поволжье, чтобы далее перебраться в Германию, на свою историческую родину.

- *Oh, mein Gott! Wie schön das Leben ist! (О, мой Бог, как прекрасна жизнь!)* – сказала Ирма мужу.

- *Да,* - согласился он. – *Она прекрасна.*

Влюбиться до одури

- *Ты, Кирюша, свободен, можешь уезжать уже сегодня, а дети останутся при мне. Развод устрою на днях,* - сказала ровным голосом жена, прихорашиваясь перед зеркалом. Она была красива особой античной красотой, и знала это.

Кирилл тупо смотрел на жену, не совсем улавливая смысл сказанного. Она была старше, и опытнее, и он привык доверять ей.

- *Почему и зачем?* – наконец разомкнул губы.

- *Меня назначили директором колледжа, а кто ты? Ну, добрый, заботливый, симпатичный, однако этого мало, пойми. Мне нужен статусный мужчина, чтобы не стыдно было перед сослуживцами.*

- *Ах, вон оно что? Статусный! Ищи своего «статуса», раз не нужен Человек. А как же Маишка, дочь наша общая?*

- *Встречайся, когда захочешь, я препятствовать не буду. Но помни, что мать для девочки важнее.*

Кирилл уехал в Новороссийск, к родителям. Сказать, что не переживал, - было бы неверно, но работа спасала. Часто вылетал по делам компании. Вот и сейчас загодя приехал в аэропорт, соображая, где бы перекусить в ресторане. От нечего делать равнодушно скользил взглядом по снующим пассажирам и вдруг нечаянно увидел в окошке кассира зеленые глаза. Будто током пронзило, как в юношестве, чувство было такое сильное, что мгновенно промокла спина.

- *Любовь нечаянно нагрянет,* - тоскливо подумал Кирилл, осторожно шевеля плечами, и сбрасывая напряжение, отдышался, и подошел к окошку, где красивая женская головка вопросительно приподняла брови:

- *Билетов на проходящий рейс нет!*

- *Билет есть у меня,* - хрипло произнес он, отошел и присел напротив, забыв про командировку и ресторан. Его самолет улетел, Кирилл дождался конца рабочего дня, а, когда кассир вышла, он подскочил:

- Простите, я ждал вас, хочу подвезти...

- А я вас не знаю, и с незнакомцами, представьте, не езжу, - каблучки застучали к выходу.

- Простите, простите, меня зовут Кирилл, и мне будет приятно подвезти вас до дома, тем более, что по пути. И еще на улице ливень, слышите, как барабанит?

- Хорошо, поедem, - девушка вздохнула.

- Минутку, я весь день вас охранял, чтобы не упустить, и потому так и не перекусил. Давайте сначала в ресторан?

- А зачем вы меня охраняли?

- Вы мне понравились.

- Интересно. А вы мне - нет.

Поели и поехали.

- Я представился, а вы промолчали. Как вас зовут?

- Тина.

- Первый раз слышу такое имя.

- Это уменьшительное от «Валентина». В честь Терешковой назвали, но я маленькой девочкой не могла выговорить, так что получилось «Тина».

- Прекрасное имя! Тиночка! Прелесть! И вам идет.

Вот так, высадив Тину, и узнал ее адрес.

Теперь Кирилл забирал Тину с работы, подолгу сидел в ее доме, ни о чем и ни о ком не мог думать, только о ней, задыхался от любви, подаривал цветами, коробками конфет. Ревновал сильно, и потому добился ее увольнения. Срочно обзавелся собственным жильем и позвал возлюбленную замуж. Тина, однако, колебалась:

- Мама, не знаю, как быть с женихом. Он мне то нравится, то не нравится. Зовет замуж, говорит странные слова, краснеет и бледнеет, как мальчишка. Какой - то он не ковбой, что ли...

- Разберись, девочка, чем не нравится? С виду неплохой человек, крепко любит тебя, это видно, а ты смеешься над ним.

- Замучил своей любовью, ни шагу без меня, даже по делам ездит со мной. Я уже приросла к нему, я ведь женщина, а не портсигар.

Тут и Кирилл нарисовался:

- Тиночка, едем к моим предкам, собирайся, знакомить буду.

Родителям Тина понравилась:

- Цаца какая, одобряю сынок, - сказал отец, поглядывая на сноху, - правда же, мать?

Мать, натерпевшаяся от мужниных «цац» с три горы, сказала спокойно: Слюни утри, дорогой, ты уже отстрелялся. Сынок, красивая у тебя девочка, но так вроде ты ей не особо нравишься, заметила я. Или просто сдержанная она, непонятно.

Кирилл стал готовиться к свадьбе: купил белый костюм, дорогое кольцо жене и попроще – себе, платье белое, грудь выпятил и позвал в ЗАГС.

-...а я не хочу, - жаловалась Тина сестре, - я могу сомневаться? Заказал портрет мой художнику, говорит: пусть висит перед глазами, чтобы я ни на минуту о тебе не забывал. Маньяк какой – то. А где же гордость мужская? Сколько денег на это художество ухлопал...
- А мне он нравится, - перебила сестра, - мой типаж - авантюрный, честный, пламенный, яркий. Мачо, но с нежным сердцем. Жаль, на меня не смотрит даже...

-Я устаю от него... - ныла Тина, - душа не лежит.

- Жаль. Стерпится – слюбится. Не мы придумали.

Ладно, после долгих раздумий Валентина согласилась зарегистрировать брак. Переехала к мужу.

Поначалу жили мирно. Кирилл, как и прежде, не сбавлял оборотов: дарил цветы, подарки, сам покупал продукты, не отпускал ни на шаг, всегда сопровождал к родителям, - а папаше коньячок прихватывал, - тестя баловал, а сам почти не пил.

А потом начались споры. Тина хотела свободы, бунтовала, хотела на работу и взглядов других мужчин. Она мечтала воссесть на свое царственное место в касе - охраняемом дворце, - и поглядывать на весь мужской мир томно, как гаремная красавица. Она прибегала домой, под крыло матушки и шептала ей про свою несчастную долю, иногда привирая.

Кирилл приезжал, падал на колени, - молодые мирились, чтобы через три дня повторить весь спектакль снова, от первой сцены до последней. Это повторялось многожды, пока мать не возмутилась:

- Или живи, или уходи от него, надоели своими разборками.

- Да уж, - резюмировала сестра, почти как у Есенина:

«...ведь разлюбить не сможешь ты,

Как полюбить ты не сумела».

Тина тайком уехала в Москву, но муж и там нашел свою супругу, но не вернул, та проявила твердость.

Он продолжал приходить в дом родителей Тины, его вскоре перестали узнавать: почернел, постарел, сник, погас. Старикам было немного стыдно, они утешали, как могли, советовали забыть дочь свою:

- Давай, коньяка дернем! – предлагал старик деланно-веселым голосом, - потом с соседкой познакомлю. Ух, и заводная баба! Продавцом в продуктовом. Глаза - «во!», сиськи – «во!»

- Тиночка моя единственная, - шарахался от такого предложения Кирилл, и завывал: « любовь моя, жизнь моя! На кого ты бросила меня, червя земного? Что я без тебя?»

И горько плакал.

Потом перестал приходить.

Потом записался во Французский Легион и сгинул.

- Лучшие так, - сказал тесть своей жене, - а то бы порешил себя, - да, мать?

- Не знаю, - сказала женщина, умудренная годами. - Чувствительный он какой- то, зять наш. Ну, скажи, что он в нашей Вальке нашел такого необыкновенного-то? Вот никак не пойму... Обычная она, и не особо умная. Влюбятся вот так, до одури, и ходят, и кружат, будто заколдованные в Царстве сна, и никак в себя не придут. Морок какой- то. Ты чего не ешь? Остывает...

Одна совесть на двоих

Сестры родились двойней. Как водится, папа ожидал сына, но не случилось. Непьющий до того мужчина надрался так, что проморгал выписку из роддома. Уже у подъезда подхватил два розовых свертка, - и ни единого футболиста, - нацепил кислую улыбку и вяло чмокнул красавицу-жену. Он нутром чуял, что не видать ему теперь сына. Дочек до года игнорировал, а как только они подросли, стало видно: Юля – внешне копия отца, Аля – клон белокурой мамы. Со временем отец примирился с женским поголовьем, но на руки брал только Алю, Юльку отталкивал и шипел: *«Иди к матери!»*. Девочки окончили школу и поступили в вузы. Но Юля, грустная тихоня, осталась при заболевшей матери, а красивая и бойкая Аля, генератор идей и концентрат энергии, схватив свой красный диплом и ворох амбиций, улетела в Турцию, подальше от семейных проблем:

- *Пока, май систер!* – и, как не было у Юльки родной души.

У матери операция за операцией, отец попал в аварию – собирали по частям. Юля стала не только Золушкой, но и сиделкой при родных родителях. Все заботы семьи легли на ее плечи, ни отпусков, ни выходных.

- *Доченька, выходи замуж, пока не поздно. Внуками порадуешь,* – шептала родительница.

- *Какие внуки, мама? Какой там замуж? Я с тобой и папой вожусь, нет ни сил, ни времени на встречи и свидания.*

- *Как-нибудь, Юленька, найди себе пару. Я вот поправлюсь, помогу...*

- *Ма, мне нужен такой, как папа, но его пока не встретила,* - перебила Юля.

- *Дурочка, папа не надышится на Альку, а ты – папа, папа... Не любит он тебя.*

- *Зато я его люблю. Лучшие папы нет на свете, и муж мне нужен точно такой же - безумно любимый, и уважаемый мною.*

Приходила помочь по хозяйству сестра отца тетя Катя, а язык у нее – что бритва:

- *Красивая ты, Юлька, только нос на семерых рос, а одной достался, а потом – жопа толстая, шея тонкая, голова, как у змеи. На любителя ты, короче, ищи своего мангуста.*

- *Спасибо, тетя Катя, обрадовала,* - обижалась Юлия, но тайком подходила к зеркалу и плевалась: *«Уродина!»*. Она знала стихотворение Евгения Долматовского *«Некрасивых женщин не бывает»*, и первые строки его:

Некрасивых женщин не бывает,

Красота их — жизни предисловье,

Но его нещадно убивают

Невниманием, нелюбовью,

но не верила им: бывают некрасивые, и не обаятельные, вот, она же есть.

Между тем, Аля работала в Турции, в крупной нефтяной компании. Красивая блондинка запала в душу пожилого турка - начальника, и стала жить с ним, потому что удобно и комфортно: денежки у турка водились. Отпуска проводили то во Франции, то в Эмиратах, то в Черногории: финансы не берегли. У начальника была семья, и дети были, но кто бы ему помешал иметь еще и русскую любовницу? Со времен Османской империи такая

связь считалась нормальной, и нисколько не предосудительной.

- Алечка, - звонила мать издалека, - *зачем тебе старая головешка? Ты же молодая, красивая, со знанием многих языков, найди себе парочку из молодых, любимого мужчину найди, деток родишь.*

- Нет, не могу его оставить, он хороший, - весело несло с далее мусульманских. - *Привыкла я к нему, ма!*

А потом мужа-старикана долбанул инфаркт. Больница, шунтирование. На операции ушли все сбережения этих двоих, а восстановление шло медленно - возраст. Оправили деда на пенсию: гребни, родной, смена молодая за дверями. Аля тоже уволилась, надо было ухаживать за больным. Первая жена впряглась, помогала кормить с ложечки совместного мужика, таскать мыть в ванную, ну, и на горшок, конечно. Юля возмущалась справедливо:

- *Брось ты этого своего нищего пня, мама совсем плохая, отец еле ходит, хорошо, что тетя Катя помогает, а то бы я уже сама тут скончалась от переутомления.*

- *Не-не! Не могу, сестра! Мне его жалко очень, как он без меня, мой Невзат? Умрет сразу. А вы сильные, вы дома, вам легче.*

Юля работала, уставала, а дома надо было терпеть эту старую тетку Катю с ее катарактой и скверным характером, и ухаживать за больными. Юля любила мать, все силы тратила на уход, следила за отцом-инвалидом. До поздней ночи жарила-парила. Тетка видела все хуже, хватаясь за стены, но ругалась, не переставая:

- *Корова безрогая! Юлька! Никому ты не нужна с носярой своим, так девкой и помрешь. Ты хоть любила кого?*

- *Папу люблю, маму люблю, разве этого мало?*

- *Дурочка несчастная, - старуха трясла длинным когтем перед лицом Юли, длинным, слоистым, - это же не то! Алька хоть старикашку нашла, по Европам поехала, прокатилась по жизни с ветерком, а ты? Правда, у нее детей нет, но от плесневелого деда какие дети? Пни его под зад, так и развалится.*

Время текло в заботах и трудах, мать таяла на глазах. Похоронили. Отец жил на лекарствах, тетка слегла, потому что вконец ослепла. Юля звонила, вопила, взывала к состраданию:

- *Аля, приезжай, сестричка! Я одна, устала тащить это много лет, не справляюсь, ну, хоть временно помоги! Прошу тебя, сердечко родное!*

- *Не могу, Юль, что ты? Как я брошу больного мужа? Прости, не приеду, я тут нужна. Мне сейчас с Нахрим на базар за пастилой, хотим порадовать своего мужика, так что гуд бай, потом набери. Я занята.*

Отец дряхлел, очень сдал после смерти жены, весь дом украсил ее портретами, по 2 и 3 раза звонил своей любимой дочери Але:

- *Как ты, родная? – кричал, светлея, а про себя врал без зазрения, - а я молотком, душа моя! Я еще о – го – го!*

Потом и он угас, а через два года Юля похоронила и дряхлую тетку, да и осталась одна.

- *Аля, здравствуй, родная! Переезжай домой. Мы вдвоем как-то проживем. Будем работать, дом большой у нас, а? Одиноко мне очень, семью свою не смогла создать из-за забот, жду тебя, сестричка.*

- *Ты что, сдурела? Как я мужа брошу? За ним уход нужен, мне его жалко...*

- Я похоронила троих, помнишь? - не выдержала Юля, - пока ты подтирала зад своему, прости, Невзату, вместе с его женой. У тебя, вообще-то, совесть есть?

Трубка несколько секунд молчала, а потом насмешливо сказала:

- В Европе она не нужна, а ты что, детка, многого со своей-то совестью добилась?

И тут ничего не скажешь поучительного, кроме того, что есть люди - как золотые прииски, и сколько бы ты не черпал крупинок из их недр, попадаютса самородки все больше и больше, и не оскудевают хранилища те. А есть люди, чья жизнь прольется сквозь сито, и не зацепится ничем: ни камешком, ни каплей изумрудной. И нечего делать близ этих сит старателям, и плачевны труды их, и уходят они с таких мест далеко.

Чтобы никогда не вернуться.

Три танкиста

В самом конце войны танкист Яков получил осколочное ранение в ногу. Пришлось хирургу отнять ее по колено. Молодой солдат долго горевал: «Какой из меня теперь тракторист?»

- Это еще хорошо, - утешал военврач, - мог бы голову потерять, а так – только ногу. Теперь на балансе у тебя полторы ноги и третья не задета. Экономия, и какая! – один сапог, один валенок.

- Да-да, товарищ военврач, хорошо бы туловище отчекрыжить, тогда и брюк не надо, одной рубахи хватит. Не смешно!

Более 3-х месяцев на товарняках, на костылях, добирался до родного колхоза. Но вместо дома с матерью нашел целехонькой только баньку, в ней и поселился. Мать ранней весной отравилась колосками, вместе с ней полдеревни вымерло, а дом оставшиеся в живых местные разобрали на дрова. Старичок-плотник вырезал из полена протез, приладил ремни-крепления, и стал Яков на ноги.

- Чегой-то ты, Яшка, отираешься в баньке, скоро зима, поди, замерзнешь? – выговаривала соседка, бабка Стеша. – Эвон сколько солдаток с домами, выбирай и живи.

- Я ж без ноги, кому нужен такой?

- И без ноги - мужик, была бы цела голова, да руки! Мужиков-то, мабуть, у нас наберется с десятков, и все дряхлые уже, на том свете их с фонарями обыскались. А девки наши одолели меня, все тобой, мил человек, антирисуются... Ты уж выбери, пока они друг друга не перегрызли.

- Баб Стеша, к кому прибиться мне? Кого посоветуете?

- Да хучь к Агафье, Аганей мы зовем ее. Сурьезная, лицом приятная вдовушка, молодая ишо, и с дочкой. Ты должен ее знать, библиотекарша она.

Поковылял Яков по длинной деревенской улице в самый конец. Вот и справный домик с высокими тесовыми воротами. Во дворе собака лает: «Не голодают, видать, - мелькнуло в голове». Постучался.

Выбежала Агания, немного смущаясь, завела Якова в дом. Приняла. Стали жить вместе. Бывший тракторист устроился счетоводом в конторе. Выделили старую, смирную лошадку и таратайку, чтобы не месил грязь инвалид.

Один за другим народились трое мальчиков. Довольный Яков дал им имена погибших танкистов – товарищей: Вовка, Пашка и Толик. И радостно сообщал деревенским:

- Танкисты растут, - мужики!

Живой и энергичный Яков не сидел дома, во дворе хватало мужской работы, пацаны вертелись рядом, помогали.

- Мужички, перерыв! – И отец закуривал самокрутку, брал гармошку и зычно запевал: *«Три танкиста, три веселых друга, экипаж машины боевой»...*

Песня далеко разносилась по деревне. Мальчишки смеялись, дрались, играли в войнушку. Хорошо на душе Якова, но он хотел теперь девочку, матери помощницу, себе – отраду. Так получилось, что конторская шалава из города уехала в отпуск, и не вернулась. Сердобольный Яков привел осиротевшую девчущку в дом:

- Вот вам сестра, мужики, зовут ее не по-нашенски, Викторией, будет пусть Витя, прошу не обижать! – и грозно показал сынам кулак.

- «Виктория» – это победа, женский род, а Витя - это мужской род, - высунулся Вова, хмыкнув.

- Неважно, Витя - сподручнее, - отрезал Яков.

Старший Вовка вымахал, не знай в кого, но учился так себе, сбегал с уроков к отцу в контору, освоил счета и помогал.

- Ты, Владимир, не девка же, чтобы сидеть в конторе, и не инвалид, как я, учись на тракториста, в армии будешь танкистом, слухай батю.

Но в армию не взяли - плоскостопие. Пашка, наоборот, был приземистый, шустрый и воровитый. Обожал рыбалку и охоту, с 12 лет полюбил выпивать. Тырил тайком старый дедов бердан и стрелял в перелеске ворон, либо в банку какую метил. Мать упорно прятала оружие, но он находил его везде, даже в огороде, канаве, на чердаке, пока мать бердан не утопила в пруду:

- Застрели еще кого, чумной, – сказала.

- Толку с него никакого, с Паши, - жаловался отец другу-председателю, *- мать разбаловала, любимчик ейный. И Толик меньшей – ни рыба, ни мясо, одно слово – вахлак,* - Яков гладил бороду и горько вздыхал. – *Не получились из сынов танкисты, так, семя испорченное.*

Самый красивый Толик был отпетым лентяем, и разрушителем. Что ни возьмет в руки - ломает обязательно. Большие голубые глаза отсвечивали пустотой. Даже в армию его не взяли, написав в решении, что просто дурак. Он не расстроился: прилепился к какой-то городской обеспеченной матроне и стал жить на ее иждивении. Домой вообще нос не показывал.

Отцу выдали фабричный протез, и дали молодого коня взамен сдохшей лошадки. Поехал по деревне - а навстречу два гусеничных трактора гнали, конь испугался и понес. Таратайка перевернулась, Яков запутался в постромках. Похоронили. Вовка заменил отца в конторе. Однажды уехал в райцентр с отчетом и не вернулся, женился. Дом лег на плечи Вити. Она выросла в некрасивую, крупнущую, конопатую девицу, размером с лошадь, зато работающую.

- Павел, тебе пора работать, хватит баклуши бить, - как-то сердито сказала Агафья сыну. – И женись на Вите, я заметила – давно с ней шалишь, уже и испортил, видимо. И чтобы без разговоров! Я болею и старею, мне помощь нужна.

Расписали пару в поссовете. Некогда веселый, шумный домик с гармошкой и песнями притих, будто умер.

Что было - то прошло? Совсем нет.

- Мать, внуков скоро жди, - сказал смущенно Пашка матери одним утром. - Двойню, вроде, у Витьки в животе нащупали врачи. А я пойду, к отцу на кладбище наведуясь, а потом на охоту, может, зайца подстрелю.

Спустя минуту, на дворе послышался веселый Пашкин свист: жизнь, как и прежде, продолжалась.

Надежда – нерв жизни

Ученица 10-го класса, долговязая рыжая Клава влюбилась в учителя физики Федора И. до потери сознания. Девчонки-одноклассницы шептались в туалете:

- И чего она в нем нашла?

Маленького росточка, толстенький, вечно куда-то спешащий колобок, живчик с мотором. Не Аполлон, простой смертный.

Сами они поголовно, и, конечно, тайком были влюблены в математика Юрия В., красавца знойного, но женатого.

Клава не скрывала своих чувств, иногда плакала.

- Клавка, это не герой твоего романа, - утешали подружки, - он ухаживает за «химичкой», и вообще, вы не пара, сама понимаешь. Ты – как жердь, а он - колобок, к тому же, старше намного.

- Вы не понимаете! Вы никогда не поймете! Я люблю его, люблю, какой есть. Другого мужчину мне не полюбить никогда!

И вот это, сказанное с надрывом, означало одно, что барышня запуталась в своих чувствах, и мечется по бесчисленным комнатам своей собственной вавилонской башни, пытаясь найти выход в безумной череде помещений и лестничных проемов, возносящихся к небесам.

- Пройдет, - решили одноклассницы, взглядываясь в измученное лицо Клавдии, - у всех проходит.

Пришла весна, наступила пора экзаменов, зато отступили страсти по Юрию В; девчонки активно обсуждали свое будущее, кто и куда будет поступать? Донеслась весть, что Федор И. женится и сейчас едет из ЗАГСа. Отменно шустрая Лида предложила:

- Девчонки, побежали смотреть на свадьбу?

Спрятались в кустах сирени у дома Федора Ивановича. Он выскочил из машины в черном костюме, белоснежной рубашке, и подал руку невесте с цветами. Они скрылись в доме, а авто, обдав любопытных пылью и отработанными газами, исчезло за поворотом.

- Ну, как твоя любовь, Клава? Поубавилась?

- Нет. Буду любить вечно.

- Вечно люди не живут, они умирают.

- А я буду любить и после смерти!

Вечером Клаву увезла «Скорая» - наглоталась таблеток. Промыли желудок и вернули девицу домой.

- *Сколько лет миру, а все одно и то же: травятся барышни от придуманной любви, -* сказал с осуждением врач родителям Клавы. – *И не знают, безумные, что будет и вторая любовь, и третья, и несть им числа впереди, этим любовям. Сколько гормон будет кипеть, столько раз и полюбят, - физиология. Но как донести им это, ведь не слушают, не слышат?*

К удивлению учителей и одноклассниц, троюродная Клава поступила в медицинский институт. По окончании его работала терапевтом вдали от родных мест. Замуж не выходила, зато приобрела уважение пациентов, как знающий специалист-диагност. Эта слава разнеслась по всей округе, ехали к ней издалека.

Как лучший врач, была командирована в числе других специалистов в одну из дружественных стран Африки, для борьбы с эпидемией. Потом была Индия, и опять Африка. Шли годы. Вернулась не только с долларами, но и с черненьким сыном, чем всех коллег привела в оторопь: вызвали в крайком партии.

- *Вы, Клавдия Петровна, надежный коммунист, проверенный патриот, как вы могли нарушить моральный кодекс строителя коммунизма? Вы родили ребенка от чуждого элемента! Позор!*

- *Никакого позора, -* невозмутимо ответствовала Клавдия, - *дружественные страны разве могут быть нам одновременно чуждыми? Вы уж определитесь с их статусом. О каких еще элементах вы мне намекаете? Кроме всего прочего, я незамужняя, и навряд ли выйду когда, а опора, в виде сына, мне необходима. Годы идут. Цвет кожи значения не играет. Мы все братья: черные, белые, желтые. Я много лет, по велению партии, лечила больных в Африке, они такие же люди, как и мы. К тому же, у меня есть правительственные награды, я неподсудна, по сути.*

Партчиновник поубавил пыл и не мог сказать ничего другого, как «до свидания».

На одном из крупных совещаний повстречала землячку, очень обрадовалась. Та, между новостями, сообщила и вот такую:

- *Знаешь, Клавочка, наш бывший учитель Федор И. разбился в самолете, такая страшная авария была, никто не выжил.*

Клаве стало плохо, но она взяла себя в руки:

- *Нет, не слышала. Сколько времени прошло, сколько событий минуло, дорогая моя... А учителей я даже и не помню, все забылось.*

После долгих раздумий решила вернуться в родные края, где проживали еще родственники, и пустовал родительский дом. Взяли в местную больницу участковым врачом, а ребенка оформили в садик. Начался непонятный ажиотаж: никто и никогда в тех краях не видел негрятенка. Иные прикасались к кудряшкам, иные экспериментировали, измажет ли кожа руку сажей, и какова она на ощупь. Проходу не давали на улице:

- *Ух! Какой чертенок! Надо же, будто вымазанный! А ладошки розовые!*

- *Как кукленок!* – восхищались другие.

Это на первых порах, а потом всплеск удивления постепенно угас. Клава ни с кем не общалась; работа, ремонт дома, огород, сын. Однажды ночью поступил вызов, она как раз дежурила на «Скорой».

В темноте она не узнала дом Федора, как и не узнала постаревшую химичку, зато узнала свою постаревшую любовь - самого учителя.

Только и сказала:

- Долго будете жить, Федор И., я слышала, что вы разбились в самолете.

- Да, я и сам был удивлен, но нет, пронесло, я летел следующим рейсом.

Через три месяца скончалась жена Федора Ивановича, - перитонит, - хотя Клавдия и старалась из всех сил вытащить ее. Федор сидел с женой в больнице до конца, но, похоронив ее, и оплакав, выждав 40 дней, предложил руку своей бывшей ученице.

Черненький мальчик обрел отца, а Клава – любящего мужа. И кто сказал, что вечной любви не бывает?!

Беспроцентный выигрыш

Света Морозова, миниатюрная девушка с нежным овалом лица, имела прямо – таки аристократические манеры. Не мудрено; в доме начальника ОРСа (Отдел Рабочего Снабжения) была прислуга под видом далекой родственницы, а мать серьезно занималась детьми.

В старших классах Светлана серьезно влюбилась в одноклассника Виктора, отличника, спортсмена, и просто красивого парня. Девчонки завидовали по - страшному, парни саркастически ухмылялись: «Подумаешь, нашла себе спортсмена! Хотя бы альпинист был, а то так, теннисист! Что это за спорт такой?» Вместе поступали, он – на юрфак, она – в педагогический. Встречались, даже прохожие люди умилялись: «какая красивая пара!»

Через два года свидания резко сократились, Виктор оправдывался нехваткой времени, заявлял, что нужно подготовиться к соревнованиям. В один из моментов такой «подготовки» Света случайно встретилась с ним. Парень шел, насвистывая, под ручку с высокой девушкой. Увидев Светлану, ничуть не смутился:

- Это Ирма, знакомься, коллега из ГДР.

В другой раз прислал своего друга Артема с сообщением, что едет в Англию на соревнования. Расстроенная Света почти не приглядывалась к этому другу, отметив только помятую рубашку и давно не видевшие утюга брюки. Серые, невыразительные глаза блестели умом и вниманием. Артем довольно часто приходил с поручениями от Виктора, и приносил цветы, как догадалась Светлана, от самого себя. Она стала привыкать к Артему, считая его и своим другом. Перед концом обучения, сдав все экзамены, отправились в молодежное кафе, а там напоролась опять на Виктора.

- Привет, друзья! – радостно воскликнул он, - присаживайтесь за наш столик, знакомьтесь, это моя жена Ирма... она...

- ...коллега из ГДР? – заикаясь и глотая слезы, уточнила Света. – Виктор, нам надо поговорить.

- К чему, милашка? Я Виктор - победитель женщин! Передо мною открывается заграница! А что дашь мне ты? Мне надо по жизни выигрывать, нет, моя фея, с тобой не та лотерея!

- Пошли, Артем, нам тут делать нечего.

Получив диплом, Артем и Светлана поженились.

- Ланочка, меня распределили на Алтай, в колхоз, агрономом. Как ты к этому относишься?

- Положительно, Артем, куда ты, туда и я.

Прибыли на место: красота природы неописуемая, а глухота местности поразительная.

Предложили жильё: пустой, полуразрушенный домик с большим огородом, без печки. Отыскать печника не удалось. Вооружившись литературой, засучив рукава, Артем, что – то мурлыкая себе под нос, сложил приличную печь. Запахло теплом, уютom, стало не так грустно. К зиме утеплили стены, починили крышу, и родился первенец – девочка. Света, не переставая, работала в школе напротив, бегая на переменах покормить дочурку. В деревне не было магазина, но колхоз выделил овечку и коровку. Огород давал обильные овощи. Света не жаловалась и сама управлялась с хозяйством, научилась доить скотину, стирать белье в лохани, которую подарила соседка, квасить капусту и печь хлеба. Лицо загорело и обветрилось, руки трескались от воды и земли, плечи покрылись волдырями от укусов цепней и оводов. Артем в теплое время года почти не бывал дома, пропадая в полях, где работали подростки и женщины. Вытаскивал колхоз по урожайности, сам садился за трактор в период пахоты и жатвы. И стал избранным председателем колхоза. Каждые два года в семье рождались дети, и это были сплошь девчонки. Ожидания наследника никак не оправдывались. Светлана Юрьевна стала матерью – героиней, рано вышла на пенсию.

Десять детей в семье! Это не шутка. Подросшие девочки помогали матери, чем могли. А она образовывала своих девочек, как когда – то занималась ею ее собственная мать. Все сестры окончили вузы, а со временем вышли замуж. Внуки летом навещали дедов, купались в речке Березовке, собирали грибы и ягоды. Глядя на галдящую ораву веселой ребятни, Светлана радовалась и думала каждый раз: *«Вот оно, где счастье – то!»*

Артем Петрович председательствовал уже 20 лет. При нем появился магазинчик, медпункт, аптека, новая школа. Себе он тоже на месте старого домика возвел хороший бревенчатый дом. Отрастил густую бороду; так легче защищать кожу от загара. Как и прежде, не сидел в тиши кабинета, метался по полям и фермам. Но старость все – таки подкралась, в 65 лет с почетom отправили на пенсию, дом передали новому, молодому коллеге. Супруги выбрали старшую дочь и переселились к ней в город. Каждый вечер уходили на прогулку в ближайший сквер. Тут уже много было знакомых, таких же поседевших передовиков.

На этот раз присели на скамейку к сухопарому старику в усах, с надвинутой на переносицу шляпой, он раскуривал трубку:

- Разрешите присесть рядом! – обратился Артем Петрович.

- Раз-зрешаю! – надменно протянул тот.

- Что-то знакомое послышалось в голосе, Артем пригляделся:

- Ба! Сколько лет, сколько зим! Это же Виктор!

Виктор оглянулся, пошевелил обрубком ноги:

- Артемыч, колхозный пахарь?! Здорово!

- Не пахарь, а бывший председатель колхоза, - не выдержала Светлана.

- Как твоя жизнь сложилась, друг мой? Жена, дети?

- Ни того, ни другого, - деланно зевнул Виктор, кивая подбородком на костыли, - заметь, даже ногу потерял, ну, вот и приехал на радон лечиться. Слышал про твое председательство, слышал, про десяток девок, что ты наплодил и вырастил, слышал, Артемка. О тебе вся область знает. Так что 0:10 в твою пользу! Ничего, я тоже не в убытке: вся комната в медалях спортивных и грамотах!

- Медали не погладишь, не поцелуешь, что с них толку, - сказала Светлана задумчиво, с некоторым недоумением разглядывая злого высохшего старикана, бывшую свою любовь – и, нежно облокотившись на мужа, и взглянув ему в глаза, добавила: «Пошли, дорогой, в садик за внучками, - уже пора!»

Die Ordnung (Порядок)

Согласно немецкому порядку, Ирма Генриховна Босс, уроженка Волгоградской области, окончила Иностраннный институт. Зная местный диалект, желала постичь классический немецкий язык с прицелом найти интересную работу с достойной зарплатой, но дальше муторного преподавания дело не пошло. Вышла замуж за местного парня, куда распределили. А это оказалось далеко от родных мест. Томики Шиллера и Гете пылились среди банок с капустой. Муж был далек от любого немецкого, более тяготел к таким классическим занятиям, как полежать, поесть, выпить и прикинуться умным, что было сущей неправдой.

Теперь Ирина Геннадьевна Камышина (на русский лад) с немецкой педантичностью строила свой «орднунг», заключающийся в трех «К»: киндер, кюхен, кирха.

Родилось четверо детей: Лена, Ваня, Володя, Гена. По настоянию упертой жены началось строительство каменного дома, дети помогали. Завели животину: корову, порося, уток, гусей, кур. Дом строился на отшибе, у пруда. Некогда стройная Ирма быстро превратилась в дебелую, неопрятную бабищу, зимой и летом в азиатских глубоких калошах. Вероятно, в них и спала, умученная трудами.

Ленхен после 9 класса поступила в медучилище, а через год родила пацаненка, от короткой и бурной связи. Но мать отнеслась с пониманием, и скрыла этот факт от соседей. Федька рос с «братьями», считая родную мать сестрой, а бабуку - матерью. В итоге имелся полный порядок: и дети есть, и дом, вот только с кирхой не удалось, в большом селе не было даже православной церкви. Дети росли, муж временами напивался. Ирма крутилась и на работе, и по хозяйству. Однообразная жизнь Камышиных резко оборвалась с падением «берлинской стены». Советских немцев позвали на историческую родину. Ирина-Ирма, запутавшись в своих родинах, разволновалась не на шутку: уезжать – не уезжать? А шанс-то какой! – раз в жизни выпадает. Неужели упускать? Она, как бы по-новому, посмотрела на свой быт: грязный двор, немощеную улицу, резиновые калоши, ворох грязного белья. Какое убожество! И так всегда? Как заведенная – работа, работа, работа, хозяйство, огород. А где жизнь? Где книги, улыбки, красивая музыка? Просачивалась жизнь без радости, как пустая водичка сквозь сито. Вся большая семья по вечерам живо обсуждала новую горячую тему. Все дети, включая первоклашку Федьку, были «за». Германия, которую они рассматривали на карте, казалась им Эдемом, раем, который они когда-то потеряли. Только отец категорически отказывался: «Здесь родился, здесь и помру!»

Порядок несколько ломался, ведь в семье должен быть отец и муж! Но Ирма приняла твердое решение: уезжать! Дети с небывалым воодушевлением приняли решение изучать немецкий, в доме зазвучала незнакомая прежде речь. Мать утешала: «Все – равно будем переучиваться, но база не помешает». Семья рушилась на глазах, отец втихаря напивался, увеличивая обороты, а мать бегала по инстанциям, переделывая документы. Теперь все стали БОСС: Ирма Генриховна, Ленхен, Вольдемар, Иоганн, Генрих и Фридрих. А как быть с отцом? Он на уговоры не шел, кричал со злостью:

- Пошли вы куда подальше, предатели! Не поеду!

Фрау Ирма билась в истерике, уговаривала:

- Все будет хорошо, чего переживаешь? Не сразу, а потихоньку, освоишь язык, научишься пить шнапс, устроишься на работу.

Муж тяжело молчал.

- Чего молчишь? Соглашайся! Баварское пиво очень вкусное.

- Не хочу я ихнего пива...

- Жилье нам дадут, выплаты за детей хорошие, ну, родной?

- Сказал же, здесь родился, здесь и умру! К фашистам не поеду.

- Сейчас другое время. Все поменялось, а фашистов и здесь полно. Вон, наш сосед, собаку отравил, точно - фашист.

- Они отца моего убили, дед от голода помер, не поеду.

- Русские тоже немцев немало порешили, - резонно заметила Ирма. – Война - никому мать не родна.

- Отцепись, - наконец оформился мыслью супруг, - не поеду, тут сдохну.

Как чувствовал.

Рано утром поехал Камышин на велосипеде на работу, и неизвестный грузовик на безлюдной проселочной дороге сбил отца семейства. Похоронили. Ирма тяжело переживала гибель мужа, будущую неизвестность, тяжелые сборы. Тут было не до хозяйства: про корову почти забыли, порося продали, птицу поворовали бомжи. Продать дом не получалось, пустили квартирантов.

Прошло немало лет после отъезда семьи.

Как-то летом появились в селе два высоких, симпатичных парня, по виду иностранцев. Это были Вольдемар и Иоганн Босс, приехали оформлять проданный дом. Они – то и рассказали: Ленхен выпорхнула замуж сразу, и удачно. Мать переучилась на медсестру, похудела, похорошела, и тоже вышла замуж за отставного летчика. Братья приобрели неплохие профессии, а Федька – Фридрих так вообще стал известным музыкантом. Братья говорили на плохом русском:

- Мы благодарны матери, ее стараниям, настойчивости. Жизнь сложилась очень неплохо. Все в порядке!

И, когда три бывшие бабки – соседки выслушали это известие, и кивнули, немцы добавили:

- В полном порядке!

Не дрейфь, маманя, прорвемся!

У Ленки был во всех смыслах подозрительный отец, - по воспоминаниям бабки и прочих немногочисленных родственников, - лукавый, здоровый, ленивый, мошенник, уголовник и...

- *настоящий шайтан!* – с запоздалой ненавистью заключала бабушка, сжав тонкие от старости губы.

Мать о своем бывшем любовнике вспоминать не любила, потому что тот дубасил её в перерывах между отсидками, и крепко. Но привязал к себе эмоционально и чувственно до такой степени, что всё ему прощала, любые унижения. После последнего срока хахаль завязал с преступным миром, потому что годы уже не те, да и тюрьма здоровья не прибавляет, но и к своей пассивности не вернулся, а нашел другую бабу, посвежее, и с квартирой побольше. С сыном созванивался раз в три года, в пароксизме пьяных воспоминаний, но не помогал. Однако Ленка помнил отца, пусть и смутно, особенно его многочисленные наколки, рыжие усищи, карточные фокусы, и чтение арабских сказок, чтение выразительное и захватывающее:

- *О, визирь!* – вопрошал бедный рыбак, кланяясь, и протягивая светлейшему пяток золотых рыбок, - *возьми это, и используй по своему произволению, а я пойду...*

Ленка прятался под одеяло и засыпал, пока отец журчаще озвучивал речи падишахов, джиннов, волшебников, гурий, принцесс, луноликих рабынь... *А тела женщин - при свете месяца - как перламутровая чешуя. И где-то там у всех красавиц - цветок наслаждений, надо же? И что это?*

«Губы!» - решал Ленка, а затем выстраивал во сне воображаемый дворец из слоновой кости и смело заходил туда, в поисках щербетов, сказочников, нефритовых шкатулок и кувшинов с джиннами, - *твоими рабами по совместительству, которые задымятся до самых небес, а потом исполнят любое твоё желание»...*

Так и вырос, пропитанный восточными фантазиями и русским сибаритством. Мать любила, все прощала, друзья не переводились, чем не жизнь?

И вот сегодня. Было бы хорошо, если бы не было так плохо. Плохо потому, что охота выпить, а денег нет. Зато есть друзья - выпивошки, а это хорошо, они не дадут засохнуть на корню, дадут в долг.

«Как чудесно, что нет толстой ворчливой жены, которой сколько не дай, всё будет мало, - с женщинами всегда так. У них пасть как ковш экскаватора - все там пропадает: авансы, получка, сапоги, шубы, печенья, заначки, счета и вся мужская жизнь. Все подчинено слову «надо! А вот мне не надо!»

Ленка радовался, что сейчас отчитываться не перед кем. В первый раз женился по молодости, так, не хватило опыта, да и мать послушал: *«женись, да женись!»* По ее же совету жена сделала аборт. Этот новый человечек сплотил бы всех, но, увы. Разошлись.

Потом случилась Анька, мелкая каракатица. Забавная и колючая. Но она люто возненавидела мать, и поэтому расстались.

Потом подцепил Настену с двумя детьми. Хорошая женщина, милая, и готовила очень вкусно, но постоянно просила денег, а где их взять? Не захотела сама крутиться, вот и потеряла его, своего визиря.

- *Так и останешься холостяком?* – спрашивала мать. – *Годы идут, топишь в вине свое счастье?*

- *Какое с бабами счастье?* – отмахивался сын, - *если что, успею.*

Ему казалось, что он никогда не постареет, все постареют, а он – нет. Но у Бога нет исключений из правил, хотя Ленька о Боге и не знал.

- *Распустился ты, сынок, до безобразия,* - наседала мать. – *Брюхо какое отрастил! Ужас!* – (О, шайтан, как надоели ее упреки!)

- *...это привычка, а не распущенность,* - отмахивался детина. Больше всего на свете он любил свои привычки, самого себя, это удобно и полезно, а весь мир пусть катится в пропасть.

- *Что делать с сыном, не понимаю,* - жаловалась мать сухопарой соседке, - *живу, как на вулкане. Как думаешь, Оль?!* - Но та молчала, она была бездетной, а пьяниц ненавидела просто люто.

Ленька иногда умел радовать: то принесет из леса лисичек и закричит с порога:

- *Мамка, жарь!*

То наловит с полкило плотвиц, и сам же охотно их стрескает.

Так и накатило Леониду 40 лет. Это мужской расцвет, апогей, так сказать, но в данном случае нет ни постоянной работы, ни жены, ни детей, одни долги. Да! Есть еще любимая кошка, они обожали друг друга, от нее исходила столь мощная волна любви, что Ленька не мог не отвечать тем же. Временами возникал интерес к женщинам, но зачем им ленивый запойный толстяк? Правду сказать - он был страшенький, но красивый. Страшенький – по мнению окружающих, но красивый в собственных глазах.

Жил с матерью – пенсионеркой. Может, ждал, когда та умрет? А что это даст? Ноль! Она, как поплавок, не дает сыну утонуть окончательно; поможет, покормит, простит, пожалеет.

Одно время «бомбил» - но лавочку городские власти прикрыли, сторожил, но за спанье на дежурствах выгнали, устроился грузчиком – опаздывал, опять пинка под шумный зад. Налегал на рыбалку, но к рыбе требуются масло и хлеб, - бросал.

- *Клянусь чалмой Шахрияра,* - выпренно заявлял друзьям, - *я еще буду богатым! Мне еще отправит любовное письмо сама Бритни Спирс, гурия сердца моего! Вот, запишите себе это в уголках глаз тысячью иголок!* – *О, непременно запишем,* - ржали друзья, - *но ты торопись, дехканин, чтобы к тому моменту, когда это произойдет, ты не облысел окончательно, и иголки твои не заржавели.*

Один верный друг, - по- настоящему верный и последовательный, донельзя лаконичный, - посоветовал Леньке пойти на завод, в один с ним цех.

- *Сборка,* - сказал, - *просто сборка, работа два через два, ничего сложного. Кормежка в столовой, зарплату не задерживают.*

- *Я же не разбираюсь в деталях,* - попробовал выкрутиться дружок Шахрияра, но номер не прошел; - *научишься, на конвейере одно и то же,* - сказал, как отрезал, друг.

Ну и ладно: два дня работа, а два дня можно квасить. Но грянули санкции, и завод переориентировался: зашуршало по кабинетам начальство, работы были приостановлены. Мать стала ныть: пришли сроки платить по кредитам, есть нечего.

- *Не плачь, маманя, не дрейфь, наложница сердца моего, скоро завод заработает. А я пойду, глоточек дерну.*

- Тебе бы, сынок, глотку запаять? – спросила мать сыновнюю спину, но та исчезла за входной дверью.

Завод отправил Ленькину бригаду вместе с двумя другими на Урал, подкалымить, в порядке рабочей солидарности.

- Знаешь, мама, там хорошие деньги платят, за три месяца набегжит прилично! – обрадовался Леонид такой новости.

- Хорошо бы, сынок, - поверила мать, смахивая слезу счастья, - есть Боженька на свете, повезло и нам, горемычным.

Уехал, общались по ватцапу. Ленька хвалился, что живет в общежитии, - пардон! Отеле де лос Острангерос, - что все ок! Получил первую зарплату, и на душе так хорошо, что впору написать в уголках глаз тысячью иголок...

- хватит, - смеясь, прерывала мать болтовню, - не надо про иголки, до связи, будем экономить на переговорах, итак денег нет.

В то злополучное утро, месяц спустя, неожиданно открылась дверь. (У Лехи были свои ключи). В проеме стоял сын, с цветущим фингалом в половину лица.

У матери отвисла челюсть, задрожали руки:

- Это ты? Почему? Ведь прошло мало времени?

Она торопливо выпила валидол и белыми губами прошептала:

- Почему ничего не сообщил? Что случилось? Откуда синяк?

- Мам, я не хотел расстраивать тебя, думал: приеду и объясню, и ты поймешь. Ведь поймешь же? Я не виноват! Произошла групповая драка в общежитии на 23 февраля, а там одни мужики – вахтовики, ну, пришлось повоевать. Да, я первый начал! Взял, да и двинул в рожу! А что? Этот хмырь назвал меня «кабаном»! А я не стерпел, ведь я стройный! Ну, почти! И вот, меня, как зачинщика, уволили. И теперь я не работаю ни там, ни тут. Ну, мы ведь пробьемся, маманя, да? Ну, не плачь, и не дрейфь, я с тобою рядом!

- Детский сад, - подумала несчастная женщина, - кого я воспитала? Не дрейфь», «кабан», «двинул», «Шехерезада сердца моего», «пробьемся»... Иллюзия, слова, бессердечность, хамство... Что делать?

Она пошла в их общую с сыном комнату, достала любимый томик О. Генри, открыла на первой же странице и прочитала:

Снят рыцари,

Ржавеют их мечи.

Лишь редко-редко

Кто из них проснется,

И к людям из могилы постучит.

Люблю. И все для него сделаю

Иногда в послевоенную деревню ссылали лиц, неугодных власти. Вот так и Матвей, слесарь-инструментальщик, и, одновременно, изобретатель, был обвинен в троцкизме (без пояснения, впрочем, что это такое, и кто лидер сего явления), и вместе с женой отправлен в глушь. Своих детей у пары не было, потому удочерили девочку 5-ти лет. Матвей хотел пацана, но случай подарил эту вот Люську, -

поезд разбомбила немецкая авиация, погибла толпа народу, а вот эта сиротка, белобрысая и заикающаяся, выжила, и стала дочкой, о чем Матвей ни разу не пожалел. Жена, бывшая актриса, относилась к ребенку холодно. Но жизнь постепенно наладилась, избу-развалюшку Матвей постепенно отремонтировал, получился приличный домик о трех комнатах. Самую большую и светлую заняла жена, время проводила на кровати, вся в кружевах. Подружилась с местной завклубом, которая благоговела перед городской штучкой, с замиранием слушала воспоминания о прежней яркой, полной овец и поклонников жизни, и помогала по хозяйству. Девчонка вертелась около отца, любила его, сопровождала до кузни, где тот работал. Дома, в теплом сарайчике, Матвей устроил мастерскую, где делал бабам крючки для вязания, кружки, тямки, лопаты, вилы. Люська помогала; ей особенно хорошо удавалась пайка ведер, котелков и прочей утвари. Деньги они не брали, потому что у колхозников их не было, отдавали натурой: яйцами, мукой, салом, овощами. Кузнецы на деревне всегда были в авторитете, и Матвея, как умельца, сильно уважали.

Люська постепенно стала подмастерьем, а иногда выполняла сложные работы получше стареющего отца.

А потом умер Сталин, начались перемены, Матвея освободили, он с семьей получил право перебраться в небольшой городок, где купил домик с огородом.

Жена Агния тут же упорхнула в родной приволжский город, она скучала по театру, и существовать без него не могла физически. Матвей остался с дочерью, в 17 лет та превратилась в крупную деваху, с конопатым лицом. Бросать отца не захотела, работала слесарем, вместе с ним, чем очень удивляла мужиков, отиравшихся в мастерской, они о таком и не слышали, чтобы девка была слесарем, да каким! Не мудрено, что через год забеременела, но долго скрывала, утягивая живот.

Дома родился недоношенный мальчишка, хилый, маловесный.

Кормили его коровьим молоком. Матвей молчал, ни о чем не расспрашивал, однако грешил на заезжего механика. Но через три месяца Люська исчезла, а механик остался. Нашлась среди пеленок и записка:

«Папка, прости, не ищите меня, я уезжаю к маме»

Матвей взял отпуск без содержания, нянчил внука. Помогала купать его, лечить болячки соседка-бабушка:

- Матвей, так не выживет твой малец, вот, ей-Богу, умрет! Как его хоть звать, чтобы поминать потом, скажи-ка мне?

- Тупун тебе на язык, Мишкой будет, вырастет парень, вот увидишь!

Мишка постоянно болел. В отсутствие деда бродил по двору среди кур. Однажды старый петух клюнул мальчонку в глаз, и Мишка окосел. К слесарному делу относился равнодушно.

В школе никак себя не проявлял, он не любил учиться, там еще и Мишку дразнили:

- Косой! Подавился колбасой!

Или:

- Михаил - коров доил!

Еще и третья кличка «сысой» образовалась от фамилии. Мишка злился, мастерил рогатки и стрелял камешками по воронам, однажды попал в окно соседке.

- Фулюган! – сказала та беззлобно, - нет на тебя управы, безобразник! – и, через паузу: «Пирожков хочешь? Поешь, сердешный! Сиротинушка ты ж моя, без матери, без братиков. Накось, кушай, а дед пирожка не испечет, пуцай!»

Матвей помогал старушке то забор наладить, то печку подшаманить, то крышу залатать.

- Золотые руки у тебя, Матвей, все так говорят.

- Это так, - соглашался мастер без гордости, - хотел, вот, парнишку научить, передать свои умения, ан тот не хочет, а жаль. Вот Люська моя была огонь, это да! Редкая умница; в металле разбиралась.

- И где ж она теперь?

- Скажу прямо: мать свою родную как-то сыскала. У нее теперь. А ты, Власовна, знаешь, что сильнее родной крови нету.

- Ну да, ну да, - старушка вздохнула. – Но ты не переживай, родимый, внучок ростом не вышел, плюгавенький, косою, какой ему металл? Я вот заметила, он звезды любит. Все про какие-то Венеры говорит, про Путь Млечный указывает. Но, если по правде, Матвей, не разберусь я в нем до конца, непонятный он какой-то, неслух, еще схватишь ты с ним горяшка.

- Ни, Власовна, не схвачу. Поправится он. И выправится. Я стараюсь для него, все есть; обут – одет, кур держу, чтобы сырые яйца были. И книгу ему купил про звезды эти, астрономией называется.

- Ты сам, Матвей, болеешь, кашель какой у тебя? Лечись!

- Да, Власовна, туберкулез у меня, скажу по секрету, но мне все-равно на себя. Я Мишку люблю и все для него сделаю.

Диагноз подтвердился, на обследование более точное отправили врачи Матвея в Москву, тот прихватил и Мишку, чтобы столицу посмотрел. Временно жили в гостинице, как-то в ресторане познакомился Матвей с американской четой, те приехали усыновить ребенка. Матвей предложил Мишку, уже зная, что долго не протянет. Американцы те были этнические русские, дело быстро уладили, - тогда это сделать было легко, да и свои дипломатические каналы помогли.

Забрали Мишку и увезли, а дед остался один. Поначалу сильно скучал, но потом стало не до того: болезнь навалилась, так что улетела душа в небесные сени довольно быстро.

Прошло несколько лет. На улице, где когда-то жил искусный кузнец, появился высокий блондин в заграничной одежде. Это был Мишка – Майкл Квентин. Он плохо говорил по-русски, он искал могилу отца, потому что дедом Матвея никогда не считал, а настоящим папкой. Взгляд у заезжего иностранца был прямой и открытый, потому что после операции дефект исчез. Майкл постоял у пустого дома, сходил на кладбище, навестил глухую столетнюю Власовну. А потом уехал навсегда.

И только через неделю местная городская газетенка вызнала, что навещавший их городок Майкл Квентин – всемирная звезда в области теоретической астрономии, и что таких высоких гостей им не видать еще 500 лет, как минимум. Редактор схватился за свою плешивую голову и прислал спецкора. Тот битый час терзал глухую Власовну, и ничего не смог выпытать кроме вот этой загадочной фразы:

- А как же? Любил егой-то, да, Мишку. Так и сказал, мил человек: «Люблю дите, как любил Люську. И все для него сделаю, значитца!»

Гусь да гагара

Анька родилась последней среди семи своих братьев и сестер. Рождалась трудно: головку тащили вакуумом, еще и повредили суставы таза. Голова на длинной шее западала назад, до пяти лет девчонка не ходила, а потом напоминала Пизанскую башню. Школу посещала редко, болела. Дразнили ее дети так: *«гусыня, каланча, размазня»*. Но читать и писать научилась все же. Помогала братьям-сестрам по хозяйству. Племянников нянчила. Если ее ругали за что-либо, только улыбалась.

- *Малахольная, что с нее возьмешь, но опять же сестренка,* - говорил старший брат.

Малахольная золушка дотянула до 35-ти лет, замуж никто не звал.

- *Да кто ее возьмет? Не вышла лицом, шея кривая, ходит плохо, приживалка у своей же родни,* - вздыхала старенькая мать, - *жалко ее, хоть бы какой вдовец объявился.*

А на этой же улице жила семья с пятью братьями. Все красивые, черные, как цыгане, глаза – жгучие, но младший почти как карлик, как тогда говорили: *«метр с кепкой»*. Правда, мускулистый парень, и работающий. Тоже 35 лет, но не женатый, девки нос воротили от него, и называли *«кубышкой»*. Работал в шахте, забое, домой приносил неплохие такие деньги.

- *Ты бы, Степушка, взял в жены соседку Аньку? Хорошая она, хорошая, работающая. Детей заведете, а?* – советовала мать сыну.

Но братья были против: зачем лишаться добытчика?

- *Ты что, Степка, очумел? Она же инвалидка! Брось ты эту затею! Когда мне костюм купишь, кстати? Обещал!*

Скорее наперекор, чем по зову сердца, позвал Степан Аню замуж. Она спокойно согласилась. Зажили своим домом, но детей не было. Решили поехать в дальнюю деревню к бабушке-повитухе.

- *Поздно вы приехали, детушки,* - прошамкала та. – *Родовая травма, трудно править.* - *«Детушки»* пали на колени, уговорили. Бабушка пожалела. Каждый день топила баньку, вымачивала Аню в травах, разминала, массировала. Учила разбираться молодую женщину в своем тонком искусстве, врачевании.

- *Растения - словно люди,* - нашептывала она. - *Ночью они спят, а утром умываются росой и начинают питаться теплом солнышка Божия. Собирают травы в солнечный день до трех пополудни, а припозднишься, детка, так не на пользу сие пойдет – съест травка-муравка все тепло солнечное. Ты запоминай, запоминай.*

И такое вот сказала позже:

- *Ты родишь один раз, не больше, а потом лечи сама, благодари Господа за чадо свое, людям помогай. Травку дам тебе, позже и сама собирать начнешь. С Богом поезжайте теперь, наладится все у вас.*

На удивление, родилась двойня: мальчики-близнецы. Степан был рад до потери пульса, Анна отнеслась спокойно. В нужное время собирала и сушила травы, детей держала и воспитывала дома, никаких садиков. Мальчишки росли, как дубки: красивущие, как отец, и высокие, как мать.

Родители теплыми вечерами садились на лавочку, и наблюдали, как растут их птенчики, которые состряпали из досточек и шарикоподшипников самокат и по очереди катались на нем. Прохожие оборачивались на мальчишек, любовались ими, потом оглядыва-

ли Аню со Степаном, качали головами: *«Ну, и пара! – гусь да гагара!»*. Неподалеку от дома вырыли котлован для многоэтажки, но пошли проливные дожди, а после забили ключи, и котлован стал озером, и окрестная ребятня купалась в нем. Мальчишкам, известно, каждая лужа – море. Установилась необычайная жара. Анна лежала с мигренью. Мучилась.

- *Мама, можно пойти покупаться?*

Анна отмахнулась, а дети поняли, что можно. Один из братьев утонул. Степан разом постарел, поседел, обмяк. У Анны отнялись ноги.

- *Это ты виновата, ты! – ядовито шипел жене. – Зачем отпустила?* – Анна молчала.

Степан замкнулся вконец, перестал бывать дома, уходил к братьям. Больше самих родителей переживал оставшийся в живых сынок, он как будто потерял сам себя, жить не хотел. Но болезнь матери мальчишку останавливала, он стыдился своего страха, и одиночества, и ухаживал за ней.

Как-то Степан сдавал смену, его окликнула Клава, крановщица:

- *Степушка, хватит маяться, сына не вернуть. Давай, выпьем за упокой?*

Она достала шкалик самогонки, Степан захмелел. Клава уволокла добычу к себе. Так он у нее и остался. С сыном встречался, прятал глаза, предлагал деньги. Сын часто моргал, держался, крутил головой, денег не брал. Мать стала травницей, к ней шли в очередь, давали деньги, и продукты.

Как-то встретились бывшие супруги в магазине:

- *Когда вернешься домой, Степа?*

- *А зачем?* – спросил тот. – *С тобой я просто так жил, а Клаву я люблю.*

Время, как вода, утекало. Сын – красавец вернулся из армии. А на шахте случилась авария, бригада Степы под завалами, вся, как один, легла. Анна с сыном поковыляла к шахте, где стояла «Скорая», а рядом лежали погибшие. С краю – вот он, её колобок Степан. Анна припала к груди, и вдруг услышала слабое биение сердца. Они с сыном скорее погрузили в тачку отца и повезли домой! Анна обмыла мужа, обложила травами, накапала пипеткой в рот густого куриного бульона, сыну сказала:

- *Поди, баню растопи, но не до жара! Там Степа будет лежать. И я с ним.*

Долго боролась за жизнь своего Степушки, но травы, молитвы, и любовь помогли. Стал Степан поправляться. Оформили его на пенсию, по инвалидности.

Закатилась в гости Клавонька, притащила вещички Степана:

- *Садись, Клавдия, милости просим,* - сказала заметно исхудавшая Анна. – *Чайку будешь?*

- *Нет, не за тем пришла.*

- *Степан выздоровел, можешь забирать.*

- *Еще чего не хватало: не нужен мне твой инвалид...*

Прошло еще время. На лавочке, как когда-то, сидела странная седая парочка, - *«гусь да гагарочка»*. Она молча любовалась на веселый табунок внуков, катавшихся на магазинном самокате.

- *Ба! Деда! Смотрите!* – кричали эти четверо, разбрызгивая молодую энергию до небес.

А сверху ласково пригревало солнце, ветерок нес ароматы цветов, и все начиналось сначала...

- *Анна, как хорошо, что мы вместе,* - сказал Степан.

И Анна кивнула.

Быть как все

Семейство Скирды состояло из мужа Митяя, т.е. Дмитрия, жены Сони и трех детей. Жили они в финском доме, хотя Митяй работал всего лишь рубщиком на мясокомбинате. Соня вела хозяйство, любила мужа и поспать. Могла заснуть сидя, стоя, и на ходу, поэтому имя ей очень подходило. Митяй обожал водку и борщи. Борщи поглощал прямо из кастрюли, вытаскивая смачную кость двумя пальцами, и рыча при этом, как голодный лев. С водочкой отношения особенно наладились после рождения его третьего ребенка, дочери Дашки. Сначала – радость, а после – незаживающая рана. При корявой, неказистой внешности родителей, девчонка росла восхитительной красавицей. Вся родня как дубовая роща, ни одной березки, а тут - на тебе! Сомнения терзали душу Митяя: неужели Соня изменила ему? Сама мамаша тоже сильно недоумевала: неужели кто-то оприходовал ее во сне? А спала она крепко, не разбудишь. И Митяй запил... Вторая боль – старший сын, копия отца, такой же вахлак, но только с разными глазами. Один - черный, второй – голубой. Он получил от отца странное имя Байрон.

- *Что за имя ты придумал?* – сердилась Соня. - *Что это такое будет: Байрон Дмитриевич Скирда?*

- *Имя как имя, вполне замечательное. Как барон, ну, титул такой. Впрочем, ты не поймешь все – равно, был такой писатель хороший в Шотландии. Или в Австрии. Или музыкант.*

- *И где ты его раскопал? Отроду не слышала я такого имени?*

- *Из газеты «Правда» взял. Помнишь, курицу мне завернула, я и почитал от нечего делать. Там и написали, что этот Байрон хороший конструктор, неплохие вертолеты создает.*

Соня зевнула, и отправилась спать: какая разница, кто такой Байрон? Сын уже ходит с этим именем.

Сын рос, обвешанный комплексами, как елка - игрушками. Ему не нравилось имя категорически, как и то, что он разноглазый. На улице его дразнили абсолютно все, включая приятелей. Приходилось пускать в ход кулаки. Даже родная сестра не отставала от обидчиков:

- *Не Байрон, а баран! Левый глазик прячь в карман!*

Приходилось мстить красавице сестре, отвечая ей по – простецки, но мстительно:

- *Дашка - какашка поймала букашку!*

За свой недостаток Байрон винил родителей, не слушался, хулиганил. В пять лет уехал на товарняке до Новосибирска. Его вернули домой, упирающегося, и кусающегося, в злых соплях и слезах. Хотел утвердить себя, чтобы уважали, но как? Научился скрывать разноглазость, привык смотреть вниз, опустив пухлое веко, либо прищуривал то один, то другой глаз.

Школа – это отдельная опера, учился плохо, на твердое «три», при большом скоплении двоек. Дразнилок избивал, уроки пропускал, косые взгляды не прощал. Как-то физичка поставила в одну клетку четыре двойки: за незнание урока, грубость, хамство, и плевок под ноги. Байрон выкрал журнал и сжег его. Невзлюбил Байрона и физрук. Тогда подросток написал на листке бумаге - «*Я – дурак!*» - и незаметно прикрепил на спину учителя. Хулигана привели к директору, тот не растерялся и широко выкатил глаза: директор оторопел и выгнал мальчишку вон!

Пришла пора служить в армии. Военком заявил: *«Ты со своими глазами почти инвалид, будешь позорить Вооруженные силы. Выбирай альтернативку!»* Байрон организовывал себе диарею и месяцами валялся в госпитале, где познакомился с медсестрой Зоей. Зое было плевать на цвет глаз, а имя ей понравилось:

- *Байрон,* - сказала она задумчиво, - *это такой красивый поэт, с нежной душой. Как ты, мой зайчик!*

Пышным цветом на такой комплиментарной почве расцвела Любовь – Морковь. Оба глазом не успели моргнуть, а уже поженились.

- *Тожэ мне имечко: Зоя,* - выразила мать неудовольствие новоиспеченной невестой. – *Как у доярки в колхозе.*

- *Что вы понимаете в именах?* – возразила та, - *Зоей была умница – императрица в Византии.*

- *Эвон что? Когда это было? Теперь не модно.*

Байрон любил Зою и поначалу старался быть добытчиком: добыл квартиру, купил диплом и работал мелким начальником. Детей не хотел, боялся, что пойдут в него - разноглазые...

Дома бывал редко, занимался фарцовкой и купи – продай. В результате редких любовных контактов родился сынок, которого папаша по странному импульсу тоже назвал Байроном. *«Пусть будет два Байрона, чтобы люди удивлялись, - думал».* Но младший *«красивый поэт с нежной душой»* рос слабым, плаксивым, вечно сопливым.

«Какой ребенок от меня вышел противный» - думал отец. Зоя обижалась. Между тем, людей объединяет успех, а не обида. Незаметно улетучилась любовь, вчера была, а сегодня – нет её. Зоя развелась и уехала к родителям. Байрон облегченно вздохнул: *«Баба с возу – кобыле легче!»*

Только теперь он понял, что надо подтвердить себя деньгами. Появилась новая любовь, и мужчина стал усиленно копить деньги. Он начал их копить как самоцель и идею, ради которой стоило жить. При деньгах его недостатки могли стать достоинствами. Деньги – это свобода выбора, это как борьба для Спартака. За них не жалко и умереть, размышлял Байрон: *«А что, если в Париж? Или Лондон? С таким именем сойду там за своего...»*

Но случился МММ, поглотивший и деньги, и надежды.

Байрон духом не упал - все началось сначала; поездки по стране с целью купить подешевле, а продать подороже. Попадал в переделки, дрался, в него стреляли.

- *Ты, сынок, хорошо не кончишь,* - предупреждала заспанная мать, - *уймись, верни Зою и живи, как все!*

- *Ма, я не курю, не выпиваю, чего тебе надо? Зоя уже вышла замуж, и родила, так что поздно возвращать бывшую мою.*

- *Ты крепко рискуешь, сынок, бандиты убьют тебя! Вот, бери пример с друга своего Вадика: хорошо живет, при костюмчике всегда, на машине и при денежках, и никакого криминала...*

- *Спасибо, что напомнила, ма, заеду к нему, - друзей надо беречь!*

А у Вадика - Наташка, бывшая пассия, эх, горячая была связь, но кратковременная. Теперь, значит, с Вадей живет. Она лепила пельмени, Байрону обрадовалась. Цветущая такая бабеч, и «поэт» не выдержал: схватил в охапку и завалил на диван. Как на грех, заявился хозяин:

- *Пошел вон, разноглазый,* - взвизгнул фальцетом, - *чтобы ноги твоей не было.*

Для Байрона оскорбительней ничего прозвучать не смогло, он выбил Вадьке зуб, затем вышиб дверь, и скатился на улицу.

И снова кинулся добывать деньги, теперь замаячил Израиль. Копил доллары, набирал деньги в долг под будущие товары. В московском аэропорту рэкетеры дочиста ограбили бедолагу. Прощай, Израиль! – Отправился в Среднюю Азию. В очередной драке Байрону выбили голубой глаз, пришлось вставить стеклянный протез, и вернуться домой.

И, странное дело: куда-то исчез внутренний авантюрный огонек, когда на мир стали глядеть два одинаковых глаза черного цвета. Он стал как все, наш Байрон, серым пыльным обывателем, без изюминки и внутреннего надрыва. Не найдя в себе ни на йоту прежнего заводного духа, Байрон махнул рукой и пошел устраиваться на стеклоплавильный завод.

- Буду как все, - решил, - работагой.

- Ну и правильно, - сказала мать удовлетворенно, - нечего носиться по стране. Лучше, сынок поспать: и заботы мимо, и организму приятно.

33 несчастья

Шураню с детства прозвали «33 несчастья». Бывает же такое?! – Бывает! В три годика он пятился назад, и сел нечаянно на горящую электроплитку, пока его глуховатая бабка управлялась во дворе с птицей, и не присматривала за мальцом. Криков тоже не слышала. Попка зажила, но покрылась рубцами. Бабка оправдывалась; дескать, кто наш тыл видит? Никто! И так сойдет, живой же ребенок!

В 6 лет Шураня чуть не утонул, но чужая тетка вытащила его из болотца за волосы.

- Вот и хорошо, что волосья вовремя не остригли, глянть, и спасся! - заметила мамаша стоически.

В 10 лет дружок выстрелил иголкой прямо в глаз Шуране, хорошо хоть, мать была дома и вызвала «Скорую».

- Эх ты, сынок, бедолага, вечно с тобой что-нибудь да случится, невезучий ты какой-то...

В школе Шураня учился на тройки, но по математике – лучший, что было странно, и мать смеялась по этому поводу: «Это потому, что зад в 3 года прижег, вот весь ум к голове и притек!»

Мальчишке понравилась в школе глупая девчонка, он ей решал задачки и подсказывал решения на контрольных. Классная учительница за это вlepила неуд за четверть. Любовь как рукой сняло, и математический дар испарился бесследно.

Потом пацана искусала собака, розовые шрамы пролегли по лбу, носу и спустились к губе.

- Ну, теперь ты индеец Джо Рваная Ноздря, - саркастически подытожила мать. Она была интровертом, крепкий орешек, и воспринимала сына как боевую единицу в этом бушующем человеческом мире, без особых сантиментов. – И кто тебя теперь полюбит такого, с рваной жопой и шрамами на лице?

- Ты, мама, будешь любить всегда.

- Я-то, да! Но ведь придет время, ты захочешь жениться.

- Никогда! Ну их, этих девчонок, одни неприятности, да и всё!

Пошел в армию, на срочную. Мать беспокоилась, как бы нечаянно не выстрелил сам в себя, но Александра взяли помощником повара. Опять сплеховал: заложил в офицерскую кастрюлю непотрошеную курицу и сел на гауптвахту. Оправдывался, что отродясь не готовили дома кур.

- Ну да, ври мне тут, - заметил старший офицер негодуя, - деликатес нашли, не водится он в ваших краях... Что же вы там едите? Мясо анаконды? У-у-у, морда рваная...

Потом Шураня опрокинул на себя кипяток, и ноги хорошенько так обварил. Казарма сочувственно взирала на ожоги. Даже деды солдатика не били, решили, что малахольный:

- Только руки марать, - сплюнул один. – Пусть живет.

После армии женился-таки, взял в жены бывшую одноклассницу, носатую рыжую Тамарку. Здоровую, под потолок, с рыжей щеточкой усов под носом.

- Мой фюрер, - говорил ей ласково Шураня, - пригни башку, поцелую!

Тамарка родила сына Владика. Когда ребенок подрос, папаша начал подбрасывать его вверх, чуть не убил об матицу. И больше его к ребенку не подпускали.

Работал дорожным рабочим, там с лопатой особо не посачкуешь. Но все-равно, как-то в обеденный перерыв, когда бригада дремала в тенёчке, Шураня от скуки решил завести каток. Завел успешно, да, а остановить не смог. Каток съехал в овраг и утонул в глубокой грязи.

- 33 несчастья! – страшно ругался и махал руками бригадир, и, конечно, уволил тут же.

- Что с тобой делать, сынок? Все у тебя не по-людски. Маленько думай головой, не пакости, - печально сказала мать. - Ты уже давно вырос из «Шураня», ты – Александр, победитель! Победи в себе придурка, прошу.

- Пойду в грузчики на склад, - апатично отреагировал на эту тираду Сашка, - там безопасно, и катков нет.

- Иди, иди, зарабатывай, пока я вашего сына содержу.

- Тамарка же работает...

- Работает. Это ты правильно заметил. А не ты разве должен семью содержать?

Июнь выдался замечательный: тихий, ласковый, настоящий травень, весь в цветах.

- Шураня, поезжай к дяде Павлу, он мед качает, поможешь, там и клубники наберешь для Владика.

Вернулся в тот же день, запоздно. Мать узнала родную кровинку по голосу: «Что с тобой стряслось, сынок?! Лицо как подушка, даже не признать тебя. С медведем не разминулся?»

- Что, что, рой ловили с дядькой, покусали пчелы.

- Надо было шляпу с сеткой надеть.

- Они её сняли, шляпу-то.. Много их было, ма... Сама бы съездила, вечно меня на всякие опасные мероприятия посылаешь, ведь знаешь же, что я невезучий?!

- Ладно, а с работой что?

- Пока нормально. Только ящик со стеклом уронил, вычтут из зарплаты.

И вся эта демоническая спираль, с бедами, происшествиями и несчастьями, так и преследовала «победителя» Сашка-Шураню, и тащила вниз, предлагая каждый день что-то новое. То кирпич на ногу, то бревно на спину, то он отравился квасом, да так, что две недели провалялся дома. А потом встал на ноги, как опять незадача - пропал свет в доме. Ну, как без него? Холодильник заглох, а лето, жара.

- Наверное, замкнуло где-то, - стонала мать, - а-а-а! пропадут продукты!

Шураня проверил дома сеть, все нормально, тогда полез на столб, взяв у соседа когти, а там наверху так долбануло, что свалился мигом на землю, и голову расшиб до крови, прямо как в детской загадке: «С когтями, но не птица, летит, и матерится! Угадай, кто такой?»

Но ничего, встал, пошатываясь, и поковылял домой. Попросил у Тamarки воды прохладной, да лоб замотать. А на следующий день отправился на работу, как ни в чем не бывало. И более ничего не ронял, не калечился, и не дурковал. Не прибавлял себе шрамов. Стал серьезный и задумчивый. Кроме того, попросил мать взять ему в районной библиотеке учебник с задачками:

- Хочу интегралы порешать, - сказал Шураня. – Посложнее там подбери мне.

- Вот тебе и навернулся со столба, - задумчиво прокомментировала мать ситуацию, глядя на Тamarку. – Это надо же, всё в голове утряслось! Шураня мой Индеец Рваная Ноздря наконец стал человеком! - А вслух крикнула – Иди, покушай котлеток с редисочкой, сынок! Конечно, принесу тебе задачки, умница моя, Энштейн мой непревзойденный!

Когда заканчивается Рай земной?

- Варвара, расскажите про своих соседей, Ангелину Алексеевну и ее мужа Михалыча, - попросила корреспондентка местной газеты «Сплетни у плетня», - они, думаю, стоят того.

Девушка была неопытной, и задание было первым, но что делать? Надо было показать себя, редактор возлагал большие надежды на этот материал.

- Ты, Маруся, потормоши соседей-то, может, что красочное вспомнят. У нас подписчики отваливаются, все переходят в интернет.

- А что могут рассказать соседи о фермерах? – удивилась Маруся. – О гастролях в унавоженный коровник? Рано утром, часиков в четыре утра... Скажете тоже!

- Ты уж постарайся, - вздохнул редактор, - на тебя вся надежда. Ты же столичная барышня, учили тебя как сенсации стряпать, разве нет?

- Подробностей не знаю, а в целом выложу, как есть, - неторопливо и старательно вела речь Варвара для прессы, - родились и выросли они в Красноярском крае, оба с 1930 года. Геля, как мы её зовём, выучилась на агронома, но на 1 курсе, правда, уже выскочила замуж, потому что парни просто проходу не давали. Родила один за другим троих детей, сына Сашку и двух дочерей. А куда потом девался этот муж, я не знаю. Умная оказалась агрономша, назначили её главной. Мужики липли, как мухи, но она держала себя строго. На беду или счастье, появился в конторе новоиспеченный ветврач, высокий и симпатичный, Михалыч. Такой обстоятельный, его лет с 15-ти стали так называть, по отцу, с уважением. Сильно ему понравилась Геля, стал ухаживать.

- Он что, холостяк был? – спросила пресса.

- Не, был женат, но развелся, жена родить не смогла.

- А тут трое ребятишек, да?

- Похоже, милая, он о привесках не думал, Геля свела его с ума. В общем, долго оборону она выдержать не смогла, и они поженились. Геля потом говорила, что одно время Михалыч сильно ее ревновал, потому что она баба умная, красивая, начальник, а он кто? Но потом пообвык, родили совместного сына Федю. А жизнь шла, ситуация в стране менялась.

Старший Гелин сын Сашка служил в Иваново, там и женился, а домик купил в лесах, в умирающей деревне. Выполнял мелкие заказы; кому – крыльцо, кому – клетки для кроликов сколотить, а жена работала на почте. Сестры повыходили замуж, осели в Москве, даже жили в одном и том же человеинике, рядышком, как пчелы в сотах. А вот совместный сынок Фёдор от таких прекрасных людей случился с каким-то ущербным геном, - а гены пальцем не размажешь, - и рано залетел в тюрюгу, лет в 15. Сразу пятерку ему вlepили. Сводный брат Саша позвал брата после отсидки к себе:

- Купи коров, - говорит, - денег я займу, будешь фермером! Смотри, сколько пустых земель, бывших полей, - раздолье! Купим пустое здание за копейки, вызовем родителей, они уже старики и одни там, и будем общинкой ковыряться на земле и со скотом.

- Дело говоришь, брат, - согласился Фёдор, - так и сделаю. Мне тоже меньше соблазнов будет, что-то на нары не хочется более.

- А за что сидел? – живо поинтересовалась Маруся, активно черкавшая в блокноте, потому что телефон в этой глуши не ловил и записывать беседу не мог.

- А я не знаю, дочка, - ответствовала Варвара. – Думаю, ограбил кого-то разбойнически, есть у него в глазах что-то такое, бешеное. Но ты не пиши! Информация непроверенная! Так я продолжаю: а в деревне то всего 6 домов со стариками, а вокруг одни леса глаз радуют. Зверя нет, весь давно выбит, но бобра полно, носится, хвост задрал. Отремонтировали братья дом, перевезли родителей, тем все очень понравилось: есть ягоды, грибы, травы целебные на ветру колышутся. У Федю их стадо 40 голов, как-то быстро расплодилось. Молоко на продажу, остальное - свинкам. Михалыч освоил дойку аппаратом, стал помогать сыну то. Огород Геля вела по научному, все в нем было, даже сортовой картофель, айва и виноград, диво дивное для нашей местности! Федя старательно работал: косил сено на продажу, навоз продавал, дрова, молоко, сметану, масло и мясо, конечно. Денег хватало, у родителей еще и две хорошие пенсии. Купили 2 машины, 2 трактора и мотоблок. Михалыч лихо раскатывал на иномарке. С виду не скажешь, что старик, - скорее, статный седовласый мужчина «в возрасте». Ангелина тоже не опустила: ходила на каблуках.

- Пусть грязь, - говорила, - а я – бабочкой!

- Это не жизнь, а пребывание в раю, - говорила Геля, и глаза ее сияли радостью. – Воздух чистый, мягкий, ароматный от трав и хвойников, – не надыхнешься. Тишина и красота! Живи 100 лет, и то мало будет!

Купила третью машину, про запас, потом семья наняла работника, ежедневно топилась баня для теплой воды. На еду приговаривался то теленок, то свиненок, то индюк, то петушок молодой. На лето приезжали дочери с внуками, а место в огромном доме всем хватало, купались в недалекой речке, и жарили шашлыки, а запаа-а-ахи!

- Мама, - говорила старшая дочка, - *вы прямо живете в раю, и еда натуральная, никаких забот, волнений, властей. Безлюдье, и красота какая!*

Деятельная натура Михалыча не позволяла засиживаться: он следил за стадом, подкупал приглянувшихся телят, лечил, поил, доил, следил, чтобы сын вовремя скашивал траву. Отвозил клиентам молоко.

- Варвара, - говорила мне Геля, - *мы живем в раю, веришь? Но ведь рай на небе.*

- *А вот и на земле есть,* - я смеялась, - *присмотрись: вот он!*

Гелю и Михалыча будто время не касалось: уже за 80, а все такие же деятельные, молодежавые, старше 60 не выглядели, и себя не жалели, планов настроили громадые. И новую печь надо соорудить, и племенных телок закупить, и построить новый баз, потому что скотины все больше, и больше.

И тут никогда не болевшая Геля схватилась за сердце, - Федя отвез в больницу, - и умерла. На 9-й день собрались на поминки, как скончался мгновенно Михалыч. Федя растерялся, запил и квасит по сегодняшний день.... Вот так – то, девонька.

- *Как же это?* – растерялась журналистка, – *какой грустный конец.*

- *Обычный,* - отрезала Варвара. – *В послании Иакова сказано, что мы не знаем, что будет завтра, ибо, что такое жизнь наша? Пар, являющийся на малое время, а потом исчезающий. Вместо того, чтобы строить планы, надо говорить: «Если угодно будет Господу, и живы будем, то сделаем то или другое», поняла, доченька? Или ты язычница?*

- *Я ношу крестик,* - сказала Маруся и вытянула цепочку из декольте, - *вот. Но посланий не знаю, и молюсь редко. Мне некогда, тетя Варя. Непонятно, зачем меня шеф сюда послал? Какой ему интерес в этой истории?*

- *Так Геля с Михалычем завещания не оставили, а хозяйство большое. Пока Федор пьет, его растащат, даже не сомневайся, девонька. Тем более, остальные дети на него не претендуют,* - у них все есть.

- *Как все это печально,* - искренно расстроилась Маша.

- *Пустое,* - ответила деревенская женщина. – *Время разбрасывать камни, и время собирать. Экклезиаст, Соломон написал.*

- *Я прочитаю,* - пообещала девушка, - *до свидания!*

- *Прощайте!* – Варвара направилась к дому. Внукам обещаны оладьи, и коза не доена... Хорошо бы завтра успеть сделать брынзу, порадовать деда.

А какой таки день чудесный сегодня! Слава тебе, Господи!

Люси

Нинка и Люська дружили с детства, в школе сидели за одной партой. Выросли, повзрослели. Знакомясь с парнями, Нинка представлялась как «Нинель», а подруга – «Люси». Нинка не случайно выбрала в подруги носатую и сопливую Люську - был расчет, что на контрасте ее красота будет особенно выигрышной. Простодушная Люся с блеклыми глазами испуганной беременной коровы и размером обуви 43 размер не была подруге конкуренткой, однозначно. Нос синей сливой свисал почти до верхней губы, часто распухал от астмы и аллергии на всё и вся. Но его хозяйка находила силы подшучивать над собой: «В моей семье пять братьев и сестер, у всех носы как носы, и лишь мой нос – как паровоз, на семерых рос!»

Нинель, бойкая молодая бабенка, успела трижды побывать замужем, естественно, без регистрации, а так, в порядке наращивания «боевого опыта», а Люська пока плыла по житейскому морю одна, не торопясь. Нина ее не опасалась, считая за низшее существо, и допускала в дом, вплоть до ночевок. А там, в Нинином доме, материализовался на тот момент Вадим, интереснейший персонаж из приличной семьи. Таких, как он, с ходу записывают в принцы экзальтированные девицы. Потому что и внешностью, и статью, и умом мужчина удался на славу. Белокурый викинг под два метра ростом, голубоглазый и юморной, читающий на досуге Кафку и Тертуллиана. Вадим запал на Нинель из чистого любопытства, и даже не заметил, как она его окрутила. Увидев Вадима впервые, Люси подумала: «Вот бы мне такого!» И черная зависть поселилась в ее сердце.

- *Подруге можно, а мне – нет?* – говорила, обращаясь к зеркалу. - *Чем я хуже подруги? У меня, как у женщины, все на месте, а нос и ноги роли не играют. Вон, у Жаклин Кеннеди тоже ножки ой! ой! и глаза на ушах, а отхватила же президента?!*

В отсутствие Нинель, любительницы путешествовать, Люся готовила Вадиму ужины. Тот, не глядя на повариху, восторгался:

- *Слушай, зашибись, как вкусно! Я такого лобио даже в Грузии не ел. А, знаешь, Нина не умеет готовить совсем. Что же ты ее не научила?*

- *Не всем такие таланты дадены,* - щурясь, отвечала Люси, и уходила в другую комнату, чтобы к десерту и кофе с ликером переодеться в Нинкино кимоно, и спеть «Чио – чио – сан».

Ну, чем не гейша? По кимоно расхаживает аист, в прическу воткнут серебряный гребень, и Вадим слушает, вперив в нее жгучий взгляд настоящего мужчины, желанный взгляд... Люси млела...

Сначала Вадим воспринимал эти спектакли с переодеваниями как игрульки заскучавшей девицы, то ли замечал, то ли – нет. Но как-то раз, после «сакэ», разыгралась кровь, и кимоно полетело на пол.

Люся оказалась девственницей. Вадима это глубоко поразило, он стал присматриваться к подруге жены. Может быть, «присматривался» бы и дальше, но случилось роковое обстоятельство: однажды, вернувшись с работы, Вадим обнаружил супругу в постели с дворником. Сказочно красивым узбеком, явным отпрыском персидских царей. Дворнику нахлобучил золотисто – лиловых фингалов и дал пинка, да такого знатного, что тот летел, наверное, до самой Бухары без пересадок, а Нинель схватил за ухо и поволок в ванную смывать блудные грехи. И – всё! Как отрезало. Спать и жить с женой уже не мог, чудился ему запах восточного человека и почему – то плов с бараниной на верхушке минарета... Выгнать тоже не мог: Нина же человек, а не скот. Так и жили, сами по себе. А потом Нина попрощалась и ушла: сдали нервишки. Люси осталась при Вадиме, как домработница. Она вела себя аккуратно, не садилась лицом к свету, зашторивала окна, и в квартире всегда царствовал полумрак. Блюда непременно с выпивкой, так,

- *...чтобы кровь заиграла,* - шептала Люси, подавая коньячок в маленькой золоченой стопке.

Вадим быстро забывал Нинель, успокаивался, и уже не видел Люсиных недостатков, зато заметил и оценил по достоинству любовь к нему, заботу, терпение, шикарные волосы, глубокий голос. Он уже понимал Тургенева, всю жизнь обожавшего свою несравненную Полину Виардо, над которой современники подшучивали, что, мол, на нее можно глядеть только в фас, и иначе словишь инфаркт от ужаса.

И так шло время, но наследник не появлялся. Вступили в брак. Но Люси, облепленная комплексами, думала совсем о другом: что, вот пройдет время, и её красавец – муж прозреет, и разглядит ее сливовидный нос и гренадерские ступни. И скажет: а что это за шнобель у тебя примостился над губой? И что за лапы могучие ты нарастила? А ну, пошла вон, уродина?!

И охватывал Люси животный ужас. Она стала думать об операции. И не где-нибудь, а в Москве, чтобы без рисков и осложнений. Вадиму нагло врала, что поедет в столицу лечиться от бесплодия, - которого, кстати, не было, - а сама собирала справки для операции на лице. Вадим, как последний лох, верил и сочувствовал. «*Сюрприз будет Вадимчику моему*» - думала женщина, - когда получит красотку. То-то радости ему будет!» Но мнение самого Вадима ее не интересовало.

Вернулась из Москвы совсем другая; с мелким носиком, оснащенным ноздрями – бусинками, - который совсем не вписывался в ее широкое лицо. Странный дисбаланс осел на её фейс, но Люся этого не замечала, она была просто счастлива. Вадим встречал жену на вокзале, но не вдруг узнал ее, эту монголоидную женщину, одетую в модное белое пальтишко (рукава - фонарики), и в новое розовое лицо, как у целлулоидного пупса. Вначале он опешил, и второпях снял со своей шеи женины руки, но к машине повел: «*Потом, потом поговорим!*»

Сели за чай.

- Ну, и как я теперь смотрюсь, дорогой?

- Паршиво, - сказал искренне Вадим. – Жена не поверила: «*Я тебе совсем не нравлюсь?*»

- Нет. Почему ты обманула, скрыла свои планы? Я ведь не чужой тебе человек. Ты, видимо, для меня старалась?

Люси оторопело молчала. Он тяжело вздохнул:

- Кто тебя надоумил сделать ЭТО? – Он так и произнес с нажимом, по слогам: Э-Т-О. – Ты обезобразила себя, ты Бога обидела!

- Ну, это ты брось. – Люся взвилась. – Причем тут Бог? Мы же атеисты? Я для тебя старалась, Вадимыч, какая муха тебя укусила?

- Не мели чепуху, что значит: «для тебя»? А я просил тебя уродовать себя? У тебя все было гармонично, и нос соответствовал твоему лицу, всей твоей фактуре. Какая ты глупая, раз не видела этого сама. Вот и расхлебывайся теперь! Я тебя любил до операции, а теперешнюю не знаю, да и знать не хочу. Мотай на все четыре...

Разошлись. Вадим на связь ни разу не вышел.

А Люська пропала. Одни говорили, что она сошла с ума, другие - что видели ее в психушке, третьи уверяли, что Люси умотала в Китай, к своим. Дескать, у азиатов носы мелкие, и там она сойдет за китаяночку. Здоровую такую, мощную, но ведь люди всякие рождаются. Может, где и выращивает чай, наша Люся, Бог знает.

Он действительно знает всё.

Бедная Аня

Корни происхождения Анны тянулись вглубь веков, к Королю польских рыцарей Болеславу I Храброму. Этот видный политик и воин основал новое сословие, которое позже стало называться «шляхтой», наделил его обширными привилегиями, в список которых входили замки, земли, жареная оленина, сочные вина, охота, высокородные женщины, пышные празднества и охрана персоны самого Короля. Последнее для Болеслава Храброго было очень важным, и он не скупился, одаривая своих вассалов разнообразными почестями. Разжирев на «земельных» харчах, шляхта отгородилась от остальных сословий, впрочем, в какие это времена наблюдалось тождество между богатыми и бедными? Дети воспитывались в рамках лучших европейских традиций, кухня была изысканной, понятия о жизни и добродетелях – особенные, присущие высшему классу.

Впрочем, Аня о своей древней идентичности польской шляхте и не догадывалась, волею обстоятельств она жила в алтайской глубинке, только наследственная предрасположенность к породе, способностям и талантам в различных творческих областях на это намекала. Гены пальцем не размажешь, как говорят сейчас. Они передают все основные начатки рода и дальше, потомкам, в этом их суть и предназначение.

За свои 40 лет жизни Анна радостей видела мало, и ни одной минуты счастья не было. Сиротское детство в приживалках у дальней родни, где с ней не церемонились. Унижения и затрецины. Но девочка росла, взрослела и выросла. Проявилась та самая наследственность, для развития которой нужны условия: окружение и среда, но их не было. В сухом остатке: 2 года учебы в школе, и все. Бонусом от предков: отличная память, абсолютный слух, любовь к живописи, здоровье и жажда новых знаний. Однако жизнь в приграничной деревне не место для реализации хоть каких – либо способностей, это просто невозможно, как нельзя карпу залезть на дерево. В 14 лет забрал к себе брат, чтобы нянчила ребенка, а в 15 лет Аня отправилась работать на заставу хлебопёком:

- Ты, Анька, уже деваха, корми себя сама, - заявил на прощание брат, глядя в сторону. - И переехал в райцентр.

Анька не расстроилась, она привыкла к такому обращению, а люди вообще крепко держатся за свои привычки. Ну, вы помните: *«Привычка свыше нам дана, замена счастью она»*.

На заставе сплошь парни – пограничники, море внимания и полевых цветов. Девушка ранила немало мужских сердец, но сама этого так и не заметила. Однако замужества избежать не удалось: 16 лет, а уже связана браком с некрасивым, полным, но горделивым прапорщиком. Глаза у него были пустые, навывкате, водянистые, а норы - как у бешеного арабского скакуна. Первое волнующее чувство Аня по неведению приняла за Любовь, но быстро поняла, что ошиблась. Она не купалась в любви, однако и сама не любила. А играть не умела и не хотела.

- Эх ты, ледяная сосулька, - как-то недовольно сказал муж, когда Аня отмахнулась от его пьяного поцелуя, - зря я связался с тобой.

Аня долго не думала: уволилась с заставы и ушла с маленькой дочкой на руках от нелюбимого человека...

Вскоре малышка умерла от ангины, но злые кумушки шептались, что Анька сама отправила ребенка в тур на тот свет. Её пригласили в местную ветлечебницу. Но нужны были кое-какие познания в этой области, чтобы не полный нуль. Аня удивила абсолютно всех, вызубрив латынь за месяц! Сама отрисовала атлас внутренних органов разнообразных скотинок. Веселая, смешливая и свободная, с завидной регулярностью посещала клуб, где пела, играла на струнных и отплясывала.

К слову сказать, у молодой женщины не было особо привлекательной внешности, она была в лице широкой: широкие скулы, широкий лоб, и широкие крылья носа. А с затылка свисала широченная коса, до неприличия густая, и сваливалась под собственной тяжестью с головы, даже будучи увязанной в тугий узел. В клубе Анну заметил Пётр – стройный, высокий и гибкий, как караковый жеребец, и мгновенно втрескался в певунью и танцорку. Именно втрескался, а не влюбился, потому что нахлынувшие на него чувства были схожи со снежной лавиной, которая уносит за собой зазевавшихся скалолазов.

Родственники Петра, углядев его огненную страсть, и определив источник этого стихийного бедствия, встали на дыбы:

- Она тебе не ровня, Пётр! Она тебя старше! У неё дите было и непонятно куда сплыло! Тебе что, девок не хватает? Разведенка! Позор роду нашему!

- Люблю, женюсь, никого не надо, только она! – твердил Пётр, и родные бились с ним, раздувая местную троянскую войну.

Сама Аня Петра всерьез не воспринимала, а поведение его родных её горько обижало. Стала сторониться кавалера, но тот усилил натиск.

- *Анька, соглашайся*, - шептали подружки, - *давай, насоли его родне, пусть заткнутся!* – Аня проявила нерешительность, даже обреченность, она растерялась как-то, а родного сердца рядом нет, чтобы подсказало, что делать в таком случае? Но забеременела, и Пётр потащил возлюбленную в ЗАГС. Не исполнилось и года ребенку, как мужа забрали в армию. Больше Аня его не видела: сгинул на войне.

Переехала в соседнее большое село, опять устроилась ветврачом. Мужа не вспоминала, на его родню сердилась. Война выкосила мужское население, но Аниному брату посчастливилось выжить. Приглашал к себе, в далекий город, но Аня подумала: работа там, где есть скот, и осталась. Она безумно любила свою работу, и менять ее не желала. Потихоньку возвращались фронтовики. Без рук, без ног, без глаз, редко кто целый. Среди демобилизованных оказался молодой Иван. Высокий, как кипарис, теплый, как горящая свеча, с доброй улыбкой и большими карими глазами. Анна видела его не один раз, но равнодушным взглядом окидывала его стройную, привлекательную фигуру. Сердце молчало.

Сватать за сына пришли его родители, с порога отодвинули маленькую дочурку за дверь и спросили громко:

- *У нас купец, а где товар?*

Аня спряталась за занавеску. Её нашли и вытянули за косу:

- *Купец молодой, неженатый, без детей*, - с нажимом щебетала «свекровь», - *лучше не найти, девонька, ныне парней таких – то, как брульянтов, не сыщешь нигдеича...*

Анна опять проявила нерешительность, уступила, согласилась. Возможно, эта была вшитая в ее душевную матрицу деликатность в подобного рода делах, как знать?

Прожили полтора года, совместных детей не было. Всем был хорош Иван: не выпивал, не скандалил, не ругался, не бездельничал, не курил, почти идеальный человек. Анну с дочкой любил, на руках носил, лелеял...

- *Пресный какой-то, без горчинки, скучно мне с ним, не люблю*, - делилась с подругой. *Подруга отказывалась понимать:*

- *Да тебе несказанно повезло, Ань!*

- *Не скажи*, - слышалось упрямо в ответ.

Она некрасиво и бесчеловечно бросила Ваню, и он с горя уехал на край света.

Как-то на вечеринке у знакомой пела под гитару про платочек синий, про степи ковыльные, про любовь неразделенную, а в углу сидел мужчинка, лет 37, приезжий. Сверлил и сверлил певунью выцветшими голубыми глазами. Эти глаза, как штопор, вонзились в сердце Ани, а по телу пробежали молнии. Молнии шарахали по затылку, и казалось, что вот – вот загорится всё вокруг. Мужчина, при внимательном взгляде, подтверждал Дарвиновскую теорию: был сутул, шерстист, низок, и слегка вонюч. Но Аня не заметила ни внешнего уродства, ни запаха, ни того, как недоуменно посмотрели им вслед присутствующие, когда те отправились с вечеринки вдвоем. Ане этот обезьян сказал, что сидел, что очень строгий, и сразу влепил в ухо, когда женщина рассмеялась игриво:

- *Будешь гулять от меня, убью!* – заявил. – *Ревнивый я. И всю деревню сожгу вместе с тобой, мне терять нечего.*

Ого! Наконец со мной рядом настоящий мужчина, подумалось Анечке. С «перчиком» дяденька, с таким скучно не будет! Прожили 10 лет, муженек пил, курил, гулял по вдовушкам, ругался матом, мало зарабатывал, лупил нещадно. В общем, жил как хотел: со слепым прямодушием злодея. Он не ценил ни её прекрасных песен, ни ее голоса, ни ее прекрасной косы. Аня все прощала, все принимала, всегда оправдывала.

- *Уходи от козла своего!* – говорили ей люди, - *уходи!*

- *Никогда!* – шептала Анна, - *он – настоящий мужчина.*

Но кто знает, как устроила бы свою жизнь бедная Аня, будь проявлено к ней теплое участие хоть одного человека в мире? Если бы имелось соответствующее ее талантам и внутреннему миру окружение? Выбрала бы она себе в спутники лохматого пьяницу и дебошира, или осталась бы с любящим ее Иваном? Кто знает? Генетика – вещь тонкая, а жизнь – штука сложная, так и получается, что блин с трапезной короля Болеслава испекся, но все – рано, вышел корявым комом...

Федор и Феодора

Фёдор и Анастасия после Отечественной войны остались на белом свете одни – одинешеньки: оба родителя ушли на фронт и не вернулись. Анастасия была много старше брата, характер имела волевой, поэтому выступала в роли маменьки: лечила брату лишаи, защищала от взрослых ребят, добывала пропитание. Рано пошла работать на свиноферму, но в обеденный перерыв набегала домой, в избу, чтобы отвесить братцу пару затрещин, если он зарывался и совершал проступки. Но Фёдор уворачивался от контроля командирши: убегал с мальчишками на речку за пескарями, в лес – за грибами, или стрелял белок из отцова ружья. Белку можно зажарить на костре и съесть: чем не еда? А потом угомонился: в брошенной землянке давно умершего ссыльного поляка обнаружил массу занятных книжек, и ушел в книжный запой, как провалился в прежде незнакомый мир. Он читал о Марко Поло, о строении земли, о библейских временах, бедуинах, о многом. Книга о йоге расширила его представление о возможностях человеческого тела, выучил асаны и стал тренироваться. Любимым поэтом Федыки стал Ёса Бусон – его хокку поразили Фёдора:

*Высек кремнем огонь,
И вдруг в глубине колодца
Лягушки отозвались.*

Позже Бусона пришлось отложить в сторонку: армия. Служилось неплохо: ответственного, добросердечного, вдумчивого и спортивного парня уважали и начальство, и сослуживцы. Он читал по вечерам в казарме разнообразные стихи, показывал йоговские позы «тадасана», «триконасана», сворачивался в узлы и летал, как орел. Интересный, в общем-то, парень, такого из армии и отпускать не хотелось.

Когда Фёдор демобилизовался, Настёна уже была замужем и имела кучу детей, произведя подряд две двойни. Такое невиданное для деревни пополнение повысило её статус до невиданных высот, женщину боялись и уважали все, включая председателя.

- *Вот что, братец,* - заявила Настя младшему братцу, - *я оставила тебе родительский дом, живи! На работу пойдешь в столярку, там и заработок приличный, и спокойно.*

- *Ладно!* – парень подумал и сказал вслух:

*«Крыльями шурша,
Из чертога золотого
Ласточка летит».*

Сестра фыркнула и убежала.

Прошло два года, а Фёдор ходил всё в той же старой гимнастерке, ел, что придется, и столярничал: заказов хоть отбавляй.

Опять пристала сестра: «Федуся! Я нашла тебе невесту, женись! Ноги целые, голова светлая, руки золотые у тебя, Маришка по тебе так и чахнет! Скоро будет как тот йог, что присох к камню»

- Ага, совсем высохла; щеки как свекла, и лоснятся, еле ходит от жирка на ляжках...

Комья свежей земли.

Льётся на полевых улиток

Безучастный дождь...

- Мне итак хорошо, не нашлась еще мне по душе, отстань!

Анастасия на «улиток» обиделась очень, и ускакала вместе со своим орущим выводком, прицепившимся к юбке.

«Женские наклонности, - подумал Фёдор глубокомысленно, - полны противоречий: сначала вас хотят женить, а потом с таким же пылом развести, и всё это под соусом благих намерений. Известно, куда выложена ими дорога... По этому, наверное, поводу наставник Ёса сказал:

Поет соловей!

Как он раскрыл широко

Маленький клюв!

...Пой, сестра, пой!» - и Фёдор улыбнулся.

Однажды пришла к нему женщина заказать стол:

- Фёдор Степанович, сделайте стол для моих ребят, их у меня четверо. Все пошли в школу.

- Ладно – сказал. – Вечером забегу, замерю. Улица какая?

Вечером, как оговорено было, появился. Избенка маленькая, завалилась набок, забор упал, корова стоит под открытым небом, мёрзнет и почти плачет. Подумал: «Вот что значит, нет мужика!»...

За столом ужинали пацаны, белоголовые, с васильковыми глазами. Уминали картошку в мундире с молоком.

- Здорово, мужики!

«Мужики» перестали жевать и устали с живейшим интересом на гостя.

- Вас как зовут-то, хозяйшика?

- Феодора я по крещению, а так Дорой зовут.

- Ого! Впервые слышу такое имя. Я – Фёдор, а вы - Феодора.

- Назвали в честь святой! Сказали, сильная была, с такой покровительницей ни в огне не сгоришь, ни в воде не потонешь.

- И было такое?

- Как не быть. Под лед на реке проваливалась, в омуте тонула не раз.

- А огонь?

- Был и огонь. – Женщина вздохнула. – Нянечкой работала в больнице, так ночью замыкание случилось, больных вытаскивала, сама обгорела.

- Да, дела! – Он внимательно присмотрелся, увидел, что не красавица баба, конечно, но ладненькая, постарше будет. Прилично постарше. Однако героическая: вскармливает четырех пацанов одна.

Замерил место для стола, а потом всю ночь не спал, раздумывал: «Жалко мальчуганов, без отца растут. Кто их научит всякому мужицкому делу? Могут и по кривой пойти, курить, например, драться, воровать. Мать тихая, бабка при смерти...»

И вдруг его осенило: а что, может взять детишек на воспитание? Готовых детишек? А то пока женишься, да нарожаешь, уже пыла того не будет, а тут – готовые! И ведь реально же молодая супруга заявит: *«одного могу, может, двух, а четверых – нет уж!»* Бабы – они *норовистый народец*.

Пока делал стол с ящичками, прошла неделя, и Фёдор окончательно созрел. Вырядился в чистую рубаху, начистил сапоги и оправился сватать Феодору. Был вечер, дети опять жевали картоху, у печки на лавке стонала бабушка.

- Сделал я стол, все четверо поместятся...

Феодора махнула головой. Помолчали. Наконец, собравшись с духом, выпалил:

- Дора, выходи за меня замуж!

- Оханьки! Как можно? Я старше, у меня детей вон сколько.

- Вот то-то и оно, пацанам нужен отец. В люди их надо выводить! Очаг нужен, Доронька, понимаешь? Тепло для детишек. Да и я один истосковался:

Таает снег.

Милая белый носочек

Сушит над очагом.

- Ой, не знаю, Фёдор Степаныч, боязно как-то, что люди нам скажут? Носки – носками, но ругать нас будут. Шпынять!

- Считаю, что согласна, - отмел доводы жених, - перевезу в свой дом, с работы уходи. За пятью мужиками надо присматривать. А содержать вас буду я, глава семейства.

- Тогда недельку дайте, Фёдор Степанович, мать, считай, отходит.

- Ладно, пусть будет неделя. Я пока комнату для детворы обустрою, да сарай для коровы сооружу.

Наконец перевез семью в дом. Соседи отворачивались, не понимали такого мезальянса. Деревня вздулась от негодования, как весенняя река в паводок. Прибежала разъяренная Настя, ругала брата почем зря, брызгала злыми слезами, в Дору запустила сковородкой. А потом все разом утихло, будто и не было бури. Шибко Фёдор полюбил ребят, особенно старшего Витюшку, который не отходил от нового отца, помогал, как мог, учился столярничать. А жена родила пятого мальчонку, совместного. Братья любили и баловали малыша, с рук на руки передавали, плакать и грустить не давали. Игрушка.

Неумолимо шли годы, ребята выросли и разлетелись, кто куда. Виктор служил в Приморье, там женился и осел. А младший остался в доме отца. Потом умерла Феодора, в доме появилась сноха, злющая, лохматая, черная мегера. Свекра невзлюбила и всячески выживала. Можно сказать, выгнал сынок отца родного из дома. На помощь пришел Витюшка, выслал денег на дорогу, принял у себя с женой. И Фёдор в Приморье доживал свой век. Другие сыны, Дорины васильки, тоже звали активно к себе, и Федор ездил к ним в гости, гостевал подолгу и охотно. А затем, вернувшись, сидел на лавочке у дома, грелся на солнышке, и думал с горечью: *«Надо же, родной сын выгнал из дома, а неродной содержит и ухаживает. Не прогадал я насчет детей, правильно сделал, неродных не бывает...»* - И по щеке ползла скупая мужская слеза, а где-то вдали, из прошлого, тень давно ушедшего Ёсы Бусона настойчиво твердила:

Конец весенней поре.

Какой тяжелою стала

Лютня в моих руках!

Комментарии к альбому

Какая странная бывает жизнь... читаешь совсем коротенькие рассказы, а получаются длинные будни, в которые укладываются все «33 несчастья»... и сколько людей так живут, и не догадываются, что можно жить по-другому, или не могут, или не хотят, или не верят?

Но они так живут!!! И написано об этом столь достоверно, что сомневаться не приходится. Получается, что есть такая жизнь, о которой ты ничего не знаешь. Хотя нет, есть абстрактное знание, которое звучит как эпитафия к этой жизни:

«Сидит мужик за столом в печали, жена бросила, с работы выгнали, с друзьями разругался, ну что делать? Только вешаться. Привязал веревку к люстре, всунул голову... смотрит, а на шкафу, забытый шкалик стоит и хабарик лежит. Выпил, закурил и думает, а жизнь-то налаживается!»

Вот и последняя фраза сборника из рассказа «Когда заканчивается Рай земной?»:

А какой таки день чудесный сегодня! Слава тебе, Господи!

Ирина Кирсанова

© eva-and-co.ru

Творческая лаборатория «Слово и Образ»